

ШИЕНКОВ ЕГОР

БОЛЬШАЯ
ИГРА
АНТИВИРУС

ТЫ ЧЕЛОВЕК. ТЫ ИГРОК. ТЫ ПРОГРАММА.

Егор Шиенков

Большая Игра. Антивирус

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17188832

ISBN 9785447446444

Аннотация

Человек порой критически смотрит даже на окружающую его действительность. Андрей, обычный житель современной Москвы, давно терзается странными сомнениями. Насколько привычная реальность реальна? Что если все вокруг лишь виртуальная Игра, созданная кем-то с неизвестными целями? В поисках ответов на эти философские вопросы Андрей попадает в секретную организацию, называющую себя Агентством. Открывшиеся фантастические факты заводят героя все дальше и дальше, а сомнений становится только больше...

Содержание

Часть 1. Теория Большой Игры	5
Глава 1	5
Глава 2	36
Глава 3	58
Глава 4	85
Глава 5	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Большая Игра. Антивирус

Егор Шиенков

Дизайнер обложки Роман Батуев

© Егор Шиенков, 2019

© Роман Батуев, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-4644-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Теория Большой Игры

Глава 1

Это началось много лет назад. «Много» – по моей системе отсчета тридцатилетнего с небольшим человека. Точнее сказать не получится, поскольку не могу уверенно определить то событие, от которого можно было бы взять отсчет.

Сначала это было что-то вроде ощущения, не более того: легкое сомнение, закрадывающееся в мысли время от времени, далеко не часто. Да и отношение к нему было несерьезное. Ведь тогда у меня не было того объема доказательств и умозаключений, которыми я располагаю сейчас. Максимум, что могло появиться в мозгу, родившись из тех ощущений, так это простая мысль, которую можно было достаточно полно описать лишь тремя словами: «странно это устроено». Мне верится, что такие умозаключения обнаруживает в себе большое количество людей по всей планете, причем периодически. Кто-то об этом задумывается больше, кто-то меньше, все зависит от наличия свободного времени и склонности к праздным размышлениям. Но навряд ли кто-то думает об этом всерьез, разве что профессиональные философы, но мне кажется, что и они притворяются. Просто у них работа такая: думать про подобные вещи, и если они признаются,

что это не всерьез, то им, скорее всего, перестанут платить. Ведь для того их и назначили, чтобы они эти самые «странности устройства» объясняли, хотя, на мой взгляд, у них это выходит крайне скверно.

Но вернемся к упомянутому ощущению «странности»: откуда оно берется? Оно порождается вопросами. А откуда вопросы? А они отовсюду! Они рождаются в наших мозгах с раннего детства и живут до глубокой старости. Почему во вселенной такие законы, что земля круглая, зимой холодно, а летом жарко? Зачем так устроено, что человеку нужно все время есть и спать? Почему все, что мы хотим, после получения нам становится менее интересно? Почему большинство приятного – вредно? И еще множество других подобных им или вовсе непохожих таких вопросов можно сгенерировать бесконечное множество. Ну а самый глобальный из них звучит так: «зачем я здесь?».

Если вернуться к «специалистам», то у них, честно говоря, пока только получается объяснять, почему всего этого объяснить нельзя. То есть вопросы остаются без ответов. Отсюда и это «ощущение странности». Кстати, это явление, я имею в виду ощущение странности, носит отдельное профессиональное название – «эффект белых ниток». Но об этом позже.

Итак, точные координаты точки отсчета этой истории я дать не могу. Можно было бы вообще забыть об этом: какая разница, когда все началось? Но дело в том, что особен-

ность моей истории такова, что без участия ретроспективы она навряд ли будет воспринята должным образом. Поэтому я очень постарался идентифицировать начало тех событий, которые здесь описываются.

Я долго размышлял на эту тему и в конце концов решил, что не сильно покривлю против истины, если приму за точку отсчета тот момент, когда упомянутые ощущения странности впервые сублимировались у меня в четкое логическое построение. Самое первое и очень далекое от конечного понимания, но все-таки реально существующее. Конечно, я не могу быть уверенным, что это событие, сохранившееся в моей памяти, было первым из себе подобных, но это, наверное, уже не так важно. Главное выстроить систему с началом и продолжением, а софистическая она или нет – дело по большому счету дальше, чем десятое.

Началась эта история, еще когда я учился в институте и, как и положено самостоятельному студенту, работал ночным сторожем в офисе. Работа эта была, как принято говорить, не пыльная, заключалась она в том, что пару раз в неделю после института я ехал в один из офисов в центре города и сидел там на кухне, дожидаясь, когда его покинут последние обитатели. Затем я запирали входную дверь на ключ и оставался предоставленным самому себе. Для сна была раскладушка, для еды – микроволновка, для настольных занятий – любой офисный стол данного помещения. За все это еще и неплохо, по студенческим меркам, платили.

Если прибавить тот факт, что смены иногда выпадали на выходной и в этом случае дежурство продолжалось еще и целый день, то становится понятно, что у меня была масса времени для того, чтобы читать и размышлять на философские темы, валяясь на той самой раскладушке.

Думаю, что именно такая ситуация стала катализатором того, что произошло. Ведь настолько большое количество времени, проведенное в трезвых размышлениях на упомянутые темы, весьма нехарактерно для столь юного возраста. Как, впрочем, и для более старшего тоже.

Я часами лежал, смотря в потолок и размышляя о вечном, в обнимку с книгами. И вот однажды вечное мне ответило. Ответом стало формирование в моем мозгу, или где там на самом деле это формируется, четко вычерченной идеи. Тогда мне это показалось грандиозным прозрением, даже в масштабах человечества. Ведь я не знал всего того, что знаю сейчас, и уж тем более не имел таких навыков.

Сегодня мне все это видится вполне себе элементарным мысленным заключением. Человек вообще как-то быстро привыкает к своим умениям, и если освоение чего-то нового до начала обучения кажется чем-то удивительным, то по его окончании приобретает вполне повседневный окрас. Вот, например, я сейчас сносно говорю и читаю на английском языке. Некоторое количество лет назад, когда я только приступал к восхождению на гору лингвистического знания, достижение ее вершины мне казалось подвигом, достойным

занесения в Книгу рекордов Гиннеса. Теперь же мне кажется знание иностранного языка вполне естественным состоянием, так же, как обладание базовыми школьными знаниями. При этом люди, знающие несколько языков, кажутся мне редкими вундеркиндами. Скорее всего, сами они так не считают, ну или, по крайней мере, не чувствуют.

Но вернемся к моему озарению. Логическая основа его была следующая. То, что я живу, это факт. Жизнь имеет начало и конец, и это тоже факт. Таким образом, есть некоторое целостное отдельное от всего остального явление, некий процесс. Но самое странное, что я, несмотря на то, что ощущаю себя самым главным, даже единственным участником этого процесса, не знаю, зачем он протекает и кто его запустил. Но процессы не бывают случайными, если что-то происходит, то у этого точно должна быть какая-то цель. Само по себе из пустого места ничего не появляется.

Несмотря на то, что к тому времени я уже прочитал какую-то научно-популярную книгу, в которой был описан процесс появления чего-то из ничего, что-то про физический вакуум, про частицы и античастицы, честно говоря, я не понял, какое это отношение имеет к реальной жизни, и не стал включать это знание в свой арсенал инструментов для восприятия и оценки действительности. Поэтому мне было очевидно, что моя жизнь запустилась не сама по себе, ее кто-то запустил, и это точно не я. Но у запуска обязательно есть цель, и эта цель где-то в самом процессе. Иначе для чего

его запускать? То есть понимание причин и целей в принципе точно где-то есть, потому как без них никак. Но если они точно есть и их нет внутри жизни, поскольку если бы были, то я сам был бы в курсе, то значит, они есть где-то вне ее. А если они есть вне ее, значит, это самое вне ее тоже существует. А значит, и я вне ее тоже могу существовать.

Эта логическая выкладка казалась мне безупречной, и когда я получил ее там, в далекой юности, лежа на раскладушке поздним вечером в одном из московских офисов, ко мне пришло удивительно приятное чувство высшего озарения. А как еще мог себя чувствовать человек, который только что доказал существование жизни после смерти?

Но на этом я не остановился. Полет моей мысли устремился к следующей вершине. И не к какому-нибудь холмику, а сразу к Эвересту понимания смысла жизни. И тогда мне даже показалось, что я его достиг. Я рассуждал так: если запустили жизнь извне и только там знают причины, по которым ее запустили, а я здесь главный участник и не в курсе, то смысл ее для меня просто в самом процессе. То есть если у меня нет инструкций, как действовать, то значит, процесс устроен таким образом, что этого и не надо. Значит, все получится само собой. Не надо никаких подвигов против желания. Если в процесс заложена необходимость совершения мною подвигов, то меня к этому своевременно подведут. А значит, можно расслабиться и просто не щелкать клювом. Ничего мне пропустить не дадут, главное, когда дают – брать.

Такой вывод мне казался очевидным. Теперь-то я понимаю, что не совсем все так просто, хотя в основном я был прав уже тогда.

В общем, начало этой истории было положено, и положено оно было на фундамент всего лишь мыслительных построений. Со временем острота ощущения тех прозрений размылась повседневностью, однако понятийная ось, на которую затем стали наматываться последующие размышления и новые построения, осталась.

После того озарения в течение нескольких лет я жил без особых интеллектуальных потрясений, жизнью заурядного молодого специалиста. В те времена, когда я окончил институт, мое высшее техническое образование было скорее недостатком при поиске работы, чем преимуществом. Помнится, что мне даже было немного стыдно за него. В стране царило ощущение полного развала, на фоне которого попытки молодого инженера устроиться по специальности казались смешными. Большинство моих сокурсников, и я в том числе, всерьез считали, что инженерам-теплофизикам прямая дорога в профессию торговца пивом у метро. На таком фоне предложение хозяина фирмы, которую я ночами охранял, прийти работать в качестве специалиста было принято мной с энтузиазмом. Даже несмотря на то, что должность и тем более обязанности мне были совершенно неясны. Что интересно, ясность в этих вопросах не появилась и впоследствии. Хозяин конторы, в смутные времена заработав деньги на пе-

репродажах всего, что попадалось под руку, от сапог до нефтестеперерабатывающего оборудования, решил вложить деньги во что-то стоящее. В качестве предметов такого вложения он выбрал организацию собственных производств и научные разработки. А поскольку к тому времени в стране разучились заниматься как первым, так и вторым, все мероприятие имело некий дилетантский оттенок, не позволяющий даже мне, совсем уж молодому специалисту, верить в успех этих проектов.

Тем не менее я добросовестно участвовал во всех начинаниях своего руководителя, который периодически терял интерес к этому направлению деятельности, причем обычно это происходило на стадии необходимости вложения денежных средств в очередной проект. Поэтому я переходил от одного незавершенного проекта к другому, а иногда и вообще сидел без дела. В общем, это была не самая напряженная работа. Честно говоря, прямыми служебными обязанностями я занимался в лучшем случае пару часов в день. Для большей загрузки моему руководителю не хватало энтузиазма. Все остальное время я проводил как попало: торчал в курилке, гулял вокруг офиса, слушал музыку, смотрел фильмы, читал книги и играл в компьютерные игры. Таким образом, у меня опять появилась куча свободного времени для размышлений на отвлеченные темы.

Теперь мои мысли носили менее трансцендентный оттенок, чем в институтские годы, но при этом имели более при-

кладной характер. Связано это было со входом в полноценную взрослую жизнь. Ведь пока я был студентом, внутри существовала алмазной твердости уверенность, что все должно было начаться потом, после окончания института, который был лишь подготовкой к настоящей жизни. Что-то вроде тренировки. Пока учишься в институте, никакие решения еще не приняты, дорога не выбрана, а следовательно, не может быть мыслей о том, что делаешь что-то неправильно или идешь не туда. Тем более не может возникнуть подозрений, что теряешь время. Его полно. Но теперь я уже работал, а значит, все уже началось по-настоящему. А уверенности в правильности того, что началось, совсем не было.

Конечно, я не забыл свое «раскладушечное» озарение и пытался успокоить себя утверждениями, что так надо. Если что-то происходит, то оно по определению происходит правильно. Но мне было просто элементарно скучно. Несмотря на обилие вариантов времяпрепровождения на работе, я с большим трудом дожидался окончания каждого рабочего дня. Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, я много думал. Каждый день я по несколько часов читал, играл в компьютерные игры и думал. Читал, играл и думал. И в конце концов это снова произошло!

Я много раз задавал себе вопрос, почему это случилось именно со мной. Ведь множество похожих на меня молодых людей находилось и находится в аналогичных ситуациях. Единственную причину, которую я смог найти, это, ве-

роятно, особенность моего ума, которая выражается в уникальной способности к обобщениям. Мой мозг так устроен, что как только в него попадает какая-то информация, он пытается ее объединить с тем, что у него уже есть, и вывести закономерности. Причем происходит это помимо моей воли. Я вовсе не ставлю себе подобных задач. Тем не менее на поверхность осознания периодически вылезают результаты этой работы, о ведении которой я и не подозревал. Теперь-то я знаю, что это не причина, а скорее следствие. Сейчас у меня не возникает вопросов, почему все произошло именно со мной. К сожалению, я точно знаю ответ.

Но не будем забегать вперед, а вернемся к началу. Так вот, однажды мой мозг по своей воле взял тот мешок информации, содержимое которого состояло из прочитанных книг, результатов размышлений и впечатлений от компьютерных игр, переработал его непостижимым для меня способом и выкинул в мое сознание вывод. Вывод звучал так: «я в игре».

Смело, подумал я, и попросил обосновать оригинальное умозаключение. Мозг пошел навстречу моей просьбе. То, что он предоставил моему вниманию, словами можно описать примерно следующим образом.

Как я уже понял много лет назад, я внутри жизни, а кто-то снаружи. И этот кто-то в курсе, зачем все это устроено. Обычно того, кто снаружи, в силу его сверхъестественности по отношению к этому миру принято наделять полномо-

чиями бога. А всему происходящему присваивать великий смысл. А что если все гораздо проще. Что если это всего лишь виртуальная игра? На первый взгляд этому вполне себе простому объяснению есть только одно возражение. Если все так просто, то почему нам как игрокам неизвестно, что мы в игре? Но и на этот вопрос мое странное мышление имело ответ. Все дело в полной виртуализации. Для того, чтобы игра была совершенной, недостаточно пустить картинку в глаза, звук в уши, запах в нос и ощущения по всем частям тела такого качества, чтобы все это не отличалось от настоящего мира. Необходимо, чтобы игрок полностью поверил в происходящее, а достичь этого можно только путем отключения памяти обо всем, что вне игры. Отсюда и это странное положение вещей, когда каждый человек живет, а почему и зачем, не знает. Кстати, отключение памяти так же автоматически нивелирует любые огрехи в виртуализации, просто лишая эталона для сравнения.

В первый момент этот вывод даже не показался мне очередным озарением. Просто любопытная теория. Но тем не менее я приобрел привычку, начиная с того дня, рассматривать все окружающее через призму этого предположения, собирая к нему доказательства.

А доказательства эти, как оказалось, попадались буквально на каждом шагу.

Вот, например, почему Земля круглая? Понятное дело, что по законам физики. Всемирное притяжение, наиболее

энергоэффективная форма и все такое прочее. Но почему законы физики именно таковы, что Земля круглая? С точки зрения теории игры такое положение вещей объяснить очень просто. Круглая Земля, висящая в пустом пространстве, в сочетании с законодательным запретом на движение со скоростью больше скорости света является прекрасным способом отграничения пространства игры. Если провести аналогию с видеоиграми, то пространство, в котором происходит действие, всегда должно быть ограничено. Связано это, во-первых, с ограничением вычислительных ресурсов и, во-вторых, с необходимостью наличия пространственных рамок для протекания сюжета самой игры. Это могут быть стены, запертые двери, непроходимая растительность или, на худой конец, просто невидимая преграда, которую игрок не может преодолеть. В нашей игре все устроено сложнее и изящнее: круглая Земля, космос, скорость света. Но смысл остается тот же.

Или вот еще пример. Мало того, что раз в двенадцать часов меняется темное и светлое время суток, так еще есть четыре времени года и каждое со своим индивидуальным набором характеристик. Более того, в разных частях земного шара свои неповторимые погодные условия, ландшафт, флора и фауна. Такое разнообразие не могло появиться случайно, это явно результат сознательного проектирования, для того чтобы игроки могли выбирать между различными фонами игры.

А что за странные явления нефть и газ? Кому вообще могло прийти в голову засунуть под землю то, что потом можно будет использовать в получении энергии, необходимой для развития человечества?

Все в игре направлено на то, чтобы сделать ее как можно интереснее. Экономика, спорт, войны, законы природы, политика, болезни – перечислять можно бесконечно. Ведь если посмотреть на все эти явления беспристрастно, то становится очевидно: такое можно придумать только специально, поскольку никакой логики в существовании этого быть не может. Все шито ярко-белыми нитками, причем по черной ткани.

Итак, с того самого дня ко всему в своей жизни я начал прикладывать шаблон теории игры. Оказалось, что он подходит всегда. Спустя примерно год я стал почти искренне серьезно относиться к этой теории, а слово Игра в этом контексте представлять себе с большой буквы.

Выглядело это примерно так. Рано утром я вставал по будильнику с мыслью, что я перешел на очередной этап Игры. Сюжет, конечно, неоднозначный, но графика обалденная. Первым делом я тащился на кухню ставить чайник, затем в ванную приводить своего персонажа в порядок. Там, стоя перед зеркалом, я замечал некоторые неэстетичные округлости на том месте, где хотелось бы лицезреть пресс, и подумывал о том, что персонажа надо бы подагрейдить, затащив вечером в спортзал. Собравшись на работу, я перехо-

дил к игре вождения автомобиля. Несмотря на то, что играю я в нее каждый день, она мне не надоедает. Смысл игры в том, чтобы, управляя машиной на скорости, в несколько десятков раз превышающую скорость передвижения человека пешком, проехать по специально обозначенной дороге, по которой едет огромное количество других автомобилей, и ни с кем не столкнуться. Причем если ты все-таки столкнешься, то запустится другая игра. Придется ждать несколько часов полицейских, потом ездить в страховую компанию, потом в автосервис и тому подобное. И по-другому никак, потому что правила игры такие.

На работе была следующая очень своеобразная командная игра. В соответствии со сложными правилами, на освоение которых уходит не один год, мы пересылали друг другу тексты и картинки, а также выступали друг перед другом на собраниях и получали за это деньги. Это такие очки, которые можно обменивать на материальные блага внутри Игры. Игра в работу очень интересная. Здесь можно пытаться строить карьеру, зарабатывая при этом все больше и больше денег-очков за единицу времени, или, наоборот стараться делать как можно меньше и при этом не быть уволенным. Еще можно дружить или воевать с сослуживцами. Делать так, чтобы тебя или все любили или все боялись. В общем, вопрос в выбранной стратегии.

Успешно пройдя игру дороги с работы, я возвращался домой и окунался в какую-нибудь социальную игру, то есть

встречался с друзьями или подругами.

Так я и стал жить, причем практически счастливо. Потому что когда я накладывал это свое представление об Игре на окружающую действительность, все как будто становилось на свои места и жизнь не казалась просто глупым переплетением событий. Она приобретала вполне понятный смысл.

Спустя лет пять эта теория настолько глубоко вошла в мою жизнь, что позиция Игрока стала моей второй натурой. Возможно, даже первой и единственной. Нельзя сказать, что я действительно тогда верил в то, что живу в Игре, скорее я просто привык так рассуждать. Да и есть ли по большому счету разница? У меня была гипотеза, которая работала, причем долгое время. Можно ли это засчитать как доказательство и назвать ее законом или необходимы дополнительные исследования? Я не знал.

Но что я помню о том времени отчетливо, так это ощущение приобщенности к высшей тайне. Мне казалось, что я герой голливудской истории про то, как кто-то ничем не примечательный жил себе жил, да вдруг и обнаружил у себя сверхспособности. Одной из причин этого ощущения было то, что с тех пор, как я начал не жить, а играть, дела мои пошли в гору. Трудно объяснить, почему, но я был уверен, что причина именно в теории Игры. За эти годы я прошел путь от специалиста неизвестного назначения до директора небольшой компании. Для двадцати семи лет без нали-

чия каких-либо полезных знакомств результат был, на мой взгляд, более чем удовлетворительный, если не блестящий. При этом нельзя было сказать, что я вкалывал с утра до вечера или блистал незаурядными умственными способностями. Просто мне везло. И что особенно важно, всего этого я достиг, не подвергая себя стрессам! Я просто играл. Мне кажется, что любой адекватный человек должен был принять за руководство к действию то, что работает настолько хорошо. И я принял, на долгие годы.

Однако, подвешенный на все это время главный вопрос все-таки оставался без ответа и спустя столь длительный срок успешного эксплуатирования моей теории начал меня беспокоить. Я всерьез задумался над тем, что из себя представляет моя теория: удачную психологическую технику, помогающую относиться к жизни правильно и тем самым быть успешным, или реальное объяснение окружающей действительности. Здесь, наверное, снова проявилась какая-то странная особенность моего ума. Мне представляется, что любой адекватный человек принял бы первый вариант без колебаний, а второй не то чтобы не утвердил, но даже не подпустил бы к серьезному рассмотрению. Но я не такой. Я всерьез решил покопаться в возможности трансцендентного применения моей теории.

Я рассуждал так: если теория Игры имеет какое-то отношение к действительности, то к таким выводам должны были прийти и другие люди, которые гораздо умнее меня и об-

ладают специальными знаниями, психотехниками или еще бог знает какими инструментами, позволяющими докопаться до сути. И тогда я решил поискать братьев по теории, то есть людей, которые отдельно от меня додумались до аналогичных объяснений своему существованию.

Давно минули времена, когда человек, озадаченный подобным исследованием, шел в большую библиотеку и корпел там дни напролет над архивами, поэтому я включил компьютер и запустил самую популярную поисковую систему. Случилось это примерно спустя семь лет после «откровения на раскладушке» и пять лет от начала формирования самой теории.

В строке поиска я напечатал «жизнь игра» и ударил по клавише Enter. Система незамедлительно выдала перечень заголовков, материал которых, по ее мнению, должен был удовлетворить мое любопытство. Первая строчка сверху гласила: [«Афоризмы о жизни, цитаты о жизни – Лучшее»](#). Такое начало меня устраивало, и я кликнул по нему мышкой. Интернет выдал на экран моего ноутбука страницу, верхняя часть которой содержала небольшое пояснение о том, что здесь собраны самые лучшие цитаты великих мыслителей о жизни. Это было именно то, что мне нужно, и я углубился в чтение.

Цитат было несколько десятков. Авторы весьма различны, от Будды до современного писателя Ричарда Баха. Читая каждую из них по несколько раз, я старался примерить

свою концепцию. В принципе, не с одной из них противоречия не было, а некоторые, можно сказать, говорили именно о моей теории Игры. Их было как минимум две.

Первая принадлежала некоему Алану Уоттсу, который так и сказал: «Жизнь – игра, первое правило которой – считать, что это вовсе не игра, а всерьез». Вторым моим соратником был, как оказалось, Петр Капица, что выражалось в следующем его высказывании: «Жизнь подобна карточной игре, в которую ты играешь, не зная правил». Расстроившись было по поводу отсутствия прямых намеков у других деятелей мысли, я вдруг понял свою ошибку. Я совсем забыл про то, что большинство из представленных великих умов жили во времена до появления виртуальных игр и просто не могли оперировать в своих размышлениях таким понятием. С этой точки зрения, полностью соответствующей моей теории, было, например, высказывание самого Будды в Алмазной Сутре: «Жизнь с ее явлениями можно уподобить сновидению, фантому, пузырю, тени, блеску росы или вспышке молнии и представлять ее следует именно такой». Что такое сутра, а уж тем более алмазная, я не знал. Но лучше рассказать, что жизнь – это виртуальная Игра, не зная, что такое «виртуальная», по-моему, было просто невозможно.

С этой точки зрения очень неплохо смотрелось высказывание Кафки: «Смысл жизни в том, что она имеет свой конец». Или Оскара Уайльда: «Жизнь – слишком сложная штука, чтобы о ней разговаривать серьезно». И даже заключение

царя Соломона: «Все суета сует. Все тщета и ловля ветра». В общем, я остался доволен первым исследовательским опытом и, вернувшись к странице поисковика, начал открывать друг за другом остальные заголовки, изучая прячущееся под ними содержимое.

Спустя пару часов интернет-серфинга на заданную тему я пришел к следующим выводам. Во-первых, людей, которые додумались до моей теории, в этом мире огромное количество. Был даже специальный портал под названием «Жизнь Игра». Во-вторых, тем не менее, никто не воспринимает эту теорию буквально, ограничиваясь ее символическим смыслом. Точнее, почти никто. Путем смены поисковых слов и сервисов спустя два часа мне все-таки удалось выйти на материал, который почти полностью соответствовал моим собственным выводам. Это была статья некоего Максима Светлова на каком-то форуме, название которого теперь и не вспомнить. Поскольку статья была достаточно большая, а два с лишним часа чтения с монитора компьютера подсократили мой энтузиазм, то я лишь прочитал несколько абзацев в разных ее частях с целью понять общий смысл. Но и этого хватило для того, чтобы удостовериться, насколько сильно мысли автора совпадают с моими собственными. На первый взгляд, соответствие было стопроцентным. Однако сил на подробное изучение материала в тот момент уже не было, поэтому я лишь скопировал его в текстовый редактор и запустил на печать. Вместе с тем я был

настолько заинтригован материалом, что захотел немедленно проверить свою догадку. Внизу статьи можно было оставить комментарии, причем для этого не надо было даже регистрироваться. Судя по тому, что поле комментариев было пустым, статья появилась недавно.

Я кликнул по кнопке «добавить комментарий». Открылась форма с двумя полями «имя» и «сообщение». В первое поле я честно впечатал «Андрей». Во второе написал простенький текст: «Скажите, Максим, как Вы на самом деле воспринимаете свою Теорию Большой Игры? Как некий способ отношения к окружающей действительности или буквально, как веру в существование виртуальной Игры, которую кто-то сделал и затем нас в нее засунул?». Перечитав полученный вопрос, я остался доволен конкретикой изложения и нажал кнопку «Отправить». Затем сделал в браузере закладку и выключил компьютер.

Несмотря на большой интерес, который возбудило во мне наличие у кого-то настолько идентичных выводов об устройстве мира, к этому вопросу я вернулся только дня через два поздно вечером. Распечатанная статья все еще лежала в лотке принтера, откуда я извлек ее для того, чтобы предать подробному изучению. Страницы, оказавшиеся у меня в руках, содержали следующий текст:

Если не пытаться влезть в сущность того, что невозможно осознать с помощью данного нам разума, и отка-

заться от тщетных попыток описать сам механизм бытия, довольствуюсь описанием причин и целей на понятном человеку уровне, то описание жизни как явления может выглядеть следующим образом.

Опишем то, что мы знаем об окружающей действительности, не пытаясь разобрать сам механизм по винтикам. Представим, что жизнь – это некий прибор или программа. Да, скорее программа. Представим, что мы купили новый ноутбук с предустановленной операционной системой. Включили его, загрузили и обнаружили на рабочем столе иконку с надписью «жизнь» – небольшой бонус к покупке.

Мы же не будем выяснять, кто эту программу сделал, зачем и кто конкретно ее установил, и уж тем более не полезем в строки программных кодов. Мы просто пользователи, у нас нет ни знаний, ни желаний, ни инструментов выяснять, как программа устроена. Нас только волнует, что эта программа делает. Как нам это выяснить? Очень просто – запускаем и смотрим, что будет. Допустим, открывается окно с кнопками. Что мы делаем дальше? Разумеется, нажимаем на кнопки и опять же смотрим, что будет. Таким образом мы изучаем попавшую к нам программу.

Предлагаю поступить так же с таким непонятно откуда доставшимся нам явлением, как жизнь. Много веков лучшие умы пытаются разобраться, как это работает. Философы, священнослужители и ученые пытаются понять то, что понять невозможно. Разобрать по винтикам, влезть

внутри, вскрыть программный код и найти имя автора. Это их право, пускай развлекаются, не будем им мешать. Я же предлагаю быть проще. Давайте просто поймем, что это за программа и что она умеет делать. Обобщим наши знания о тех кнопках, которые мы уже нажимали, и опишем то, с чем столкнулись.

Итак, что нам известно о Жизни. Несмотря на то, что механизм и причины возникновения нам не понятны, большинство людей уверено в том, что существование человека, по крайней мере, какой-то его самой главной части, жизнью не ограничено. Было что-то до, и будет что-то после. Хотя, конечно, понятия «до» и «после» условны, так как не факт, что вне Жизни есть время. Явной практической цели в Жизни нет. По крайней мере, она нам не известна. Рассуждения из раздела «вырастить сына и посадить дерево» – софистика. Для человека Жизнь представляет собой череду внешних воздействий, поступающих в сознание посредством пяти чувств. Эти поступления формируют внутри различные простые и сложные ощущения. Например, мы смотрим фильм, в сознание поступает информация о свете и звуке через воздействия на глаза и уши. Но для нас это не просто свет различного спектра и звуковые колебания различной частоты. Для нас это картины мира, интересный сюжет и связанные с ним ощущения: радость, грусть и тому подобное. Такова в двух словах техническая сторона явления под названием Жизнь.

Теперь разберемся с содержанием. То, что происходит вокруг нас, обладает следующими характеристиками: имеет продолжительность и конечность, подчиняется некоторым законам, обладает сюжетом, имеет соревновательный характер и элементы преодоления неких препятствий (как внешних, так и внутренних), содержит в себе элементы поощрения и наказания, а также обладает системой накопления благ.

Рассмотрим каждую характеристику в отдельности.

Продолжительность и конечность. Жизнь начинается и заканчивается, это некое обособленное герметичное явление, находясь внутри которого, обычный человек не имеет возможности выйти за его пределы. То есть она не является чем-то постоянным и всеобъемлющим и имеет границы — четыре измерения.

Подчинение законам. То, что происходит с нами и вокруг нас, подчиняется неизменным законам или правилам. Эти правила установлены в начале и не изменяются в процессе. Многие из них нами изучены, и как минимум закономерности нам известны. Это, например, закон всемирного тяготения. Мы не знаем механизм его работы, но закономерности нами просчитаны. Тела притягиваются, причем всегда и везде. Так было вчера, и так будет завтра. Кроме физических законов есть и другие правила, которые трудны для изучения, поэтому мы о них только догадываемся, в общих чертах описываем и имеем совсем призрачное объ-

яснение механизма. Это, например, так называемый закон «кармы».

Сюжет. Все воспринимаемые нами последовательности картин формируются в сюжет. Даже просто смотрение в потолок сопровождается внутренними ощущениями, мыслями и чувствами, которые изменяются в течение времени, складываясь в некое течение событий, то есть в сюжет. Ну а жизнь современного человека в социуме переполнена различными сюжетами всех жанров.

Соревновательный характер. Хотим мы этого или нет, но вся наша жизнь связана с борьбой, то есть с соревнованием. Мы соревнуемся друг с другом, боремся с обстоятельствами, с болезнями, с привычками и т. п. Как бы мы ни пытались дистанцироваться от этого процесса в большей или меньшей степени, в процессе нормального социального существования мы с ним сталкиваемся ежедневно. Соревновательный характер большинства процессов связан в первую очередь со сравнительным характером познания окружающего мира.

Преодоление препятствий. То, что жизнь представляет из себя череду препятствий, настолько очевидно любому человеку, что данный тезис не нуждается в пояснениях.

Поощрение и наказание. Если задуматься, то все наши действия непосредственно или в перспективе ведут к поощрениям или наказаниям. За хорошую работу мы получаем премию, за плохую – нет. Если находим правильные слова

и манеру поведения, можем привлечь к себе любимого человека или оттолкнуть его от себя. Неаккуратное вождение приводит к аварии, а мастерство позволяет ее избежать, и так далее. Даже наш всего лишь ранний приход на работу может позволить сделать немного больше и ускорить тем самым накопление заслуг, необходимых для повышения. А может, и напротив, ранний подъем из-за такого прихода приведет к сонливому состоянию, которое не позволит достойно ответить на вопрос начальника и тем самым отбросит возможное повышение еще на полгода. Все действия приводят к последствиям, а последствия всегда можно расценить как поощрение или наказание, как плюс или минус.

Система накопления благ. Плюсы и минусы имеют свойство накапливаться. Позанимался спортом – плюс к здоровью, погулял на свадьбе друга – минус к здоровью, но плюс к эмоциональному состоянию. Похвала начальника один раз – пока только галочка, два, три, десять – уже повышение. Это не говоря уже о материальных ценностях, которые накапливаются объективно физическим способом. Таким образом, следствия наших поступков обладают аккумулярующим свойством и имеют два полюса: положительный и отрицательный.

Итак, резюмируем вышесказанное: Жизнь – это воздействие на сознание, в результате которого формируется сюжетная динамическая картина с непосредственным участием индивида, в которой ему необходимо преодолеть

препятствия и получать за это поощрения, которые можно накапливать, и все это происходит по установленным правилам. И как можно назвать это явление? Каков функционал той самой программы, которая запускается иконкой под названием «жизнь»? Мне кажется, что вывод напрашивается сам собой. Это программа – Игра. Многоуровневая игра с потрясающей графикой и свободным сюжетом. Далее будем называть это Большой игрой.

Все мы игроки, способные управлять своими персонажами, как нам вздумается. В Игре нам постоянно приходится преодолевать препятствия. За преодоления нам дают очки (деньги), привилегии и переводят на другие уровни.

Мы в Игре, кто и зачем запустил эту Игру, нам не известно. Тогда возникает вопрос: почему не известно? Ответ лежит на поверхности. Организация Игры совершенна, и поэтому погружение в нее должно быть полным. Ведь если провести аналогию с компьютерными играми: что не позволяет ощутить полностью эффект присутствия, например, в перестрелке с инопланетными монстрами на далекой планете? В первую очередь, конечно, несовершенство виртуализации. Допустим, со временем этот вопрос решен на сто процентов и игрок видит вокруг себя чужую планету так же, как вне виртуального мира свою собственную, чувствует жар от стреляющего бластера и даже до некоторой степени ожог от бластера противника. Этого достаточно для полного погружения в чужой образ, для того,

чтобы перенести все чувства десантника космических войск будущего? Ведь именно для этого затевается игра. Конечно нет, ведь игрок прекрасно помнит, что на самом деле он находится в городской квартире на земле, все, что он видит, это компьютерная проекция, и ему на самом деле ничего не грозит. Помнит, а значит, по-настоящему не боится, а значит, по-настоящему не ликует в миг победы, то есть погружение в игру неполное. Не говоря уже о том, что он просто не будет проходить игру, если она покажется ему слишком сложной. Выйдет в главное меню, а оттуда из игры и пойдет пить кофе, понося разработчиков боевика за то, что испортили ему вечер. А значит, расценивать такую игру можно только как инструмент для развлечения, а никак не опыт для некой тренировки и развития.

Что же можно сделать для полной виртуализации? Ответ: отключить воспоминания о том, что игра – это игра, и заставить игрока поверить в реальность происходящего. Только в этом случае эффект присутствия будет стопроцентным. Правда, возникает один побочный эффект: игрок никак не может взять в толк, откуда это все взялось и для чего. Ну да ничего, пусть что-нибудь сам для себя придумает. Религию, например.

Далее приводится несколько доказательств существования «Большой Игры»

Главным и скорее единственным субъективно существующим элементом личности человека является его сознание. Пока оно есть, существует сам человек и все, что он видит и чувствует. Таким образом, если бы существование человека в этом мире было не Игрой, а неким абсолютным состоянием, то сознание никогда бы не отключалось и не изменялось. Однако это не так, сознание может быть как полностью отключено, например во сне, так и кардинально изменено, например под действием наркотических веществ.

Сон также является доказательством существования Игры не только потому, что может отключать сознание, но и по другой причине. Если возникает сомнение, что «технически» возможна Игра, которая в процессе полностью отключает воспоминание о предыдущем опыте Игрока и даже временно стирает его личность, то примером такого явления могут послужить сновидения. Ведь когда спящему снится сон, в котором он является участником совершенно фантастических с точки зрения обычной жизни событий, у него редко возникают вопросы на тему, как он сюда попал, кто он, и воспоминания, что было до этого.

Судя по всему, сон имеет большое «техническое» значение для функционирования Игры. Сон – это периодически возникающая возможность выхода из нее. Ведь если Игра построена по принципу совершенной виртуализации и Игрок не может выйти из нее по собственной воле, поскольку даже не знает, что такой выход вообще возможен, то необ-

ходим механизм периодического выхода, которым и является сон. Персонаж раз в игровые сутки отключает сознание во сне, то есть выходит из Игры. Потом он просыпается – возвращается в Игру и ничего не помнит, кроме каких-то обрывочных картинок сновидений.

Интересную аналогию Большой Игры с компьютерными играми можно вывести еще и следующим образом. Для поддержания сюжетной линии компьютерных игр и из-за конечности ресурсов в подавляющем большинстве их действия разворачиваются в ограниченном пространстве. Это или лабиринт, или пространство, ограниченное естественной растительностью, или остров, ограниченный морем, или просто невидимая граница, которую персонаж не может пересечь. Большая Игра устроена несколько сложнее и совершеннее, но и здесь не удалось уйти от ограниченности пространства. Иначе Игроки разбрелись бы по бескрайним просторам и не стали бы взаимодействовать между собой. Пространственные ограничения были выставлены очень изящным способом с помощью неких законов физики. Один закон позволил сделать планету круглой и тем самым ограничить ее территорию. Другой закон запретил перемещаться в пространстве быстрее скорости света и тем самым отнял возможность улететь с планеты куда-то далеко. На долю Игроков остались лишь теоретические изыскания на предмет конечности или бесконечности вселенной, без реальной возможности слетать и проверить.

Итого. По характеру происходящего вокруг нас мы сделали вывод о том, что мы в Игре. Отсутствие очевидного знания об этом факте и понимания причин нахождения в ней объясняется стопроцентным эффектом присутствия. Что мы можем сделать, вооружившись этим пониманием? Как сделать Игру приятнее и интереснее, научиться играть с удовольствием, то есть ни много ни мало стать счастливыми?

В этом месте статья заканчивалась. Больше текста не было. Мне казалось, что по смыслу это явно не конец и автор готов еще сообщить нечто важное. Я снова перелистал все страницы, но неп прочитанных среди них не было. Страниц было три, хотя мне казалось, что я распечатывал страниц пять. Тогда я стал искать файл текстового редактора, в который я скопировал тогда статью, для того чтобы распечатать. Но и его мне найти не удалось. Хотя это-то было вполне объяснимо, обычно я удаляю временные файлы с рабочего стола. Терпеть не могу большое количество иконок на экране. Впрочем, это было не страшно, ведь я точно помнил, что оставил в браузере закладку на первоисточнике статьи.

Загрузив браузер, я раскрыл меню закладок. То, что я искал, было на месте. Довольный своей аккуратностью, я кликнул на нужную ссылку, но вместо желаемой страницы сайта получил удивленное англоязычное сообщение браузера,

смысл которого сводился к тому, что страницы по этому адресу нет.

Вот это уже было действительно странно. Сами по себе нераспечатанные листы выглядели нормально, даже в сочетании с потерянным текстовым файлом. Но после того, как картина усугубилась исчезнувшей страницей интернет-сайта, она приобрела вполне себе таинственный характер. Поразмышляв немного на эту тему и не найдя логичных объяснений кроме совпадения, я решил отложить этот вопрос на неопределенный срок и пошел спать.

Глава 2

Я иду по туннелю. Не знаю, сколько это уже продолжается. Кажется, долго, очень долго. Не могу определить, что это за место. Пытаюсь разглядеть стены, но они утопают в дымке неопределенности. А может, я только что разглядел их, но, как только отвел взгляд, забыл, что они из себя представляют? Единственное, что я вижу четко, так это конец туннеля. Но от этого мой путь не становится более «измеримым». Стены вместе с полом, по которому я иду, растягиваются мне навстречу, не давая достигнуть выхода. Интересно, думаю я, какой у них коэффициент упругости. Ведь какой бы он ни был, он все равно должен быть конечным. А значит, рано или поздно или я дойду до конца, или туннель порвется. А если он порвется, то что будет вне его? Наверно, я останусь совсем один посреди пространства. Но туннель не верит моим физическим законам и продолжает тянуться мне навстречу. Тогда я начинаю думать, что он представляет собой огромное колесо, а я белка на его дне. Но если так, то мой путь никогда не закончится. Вообще никогда. Конечно, я бы мог умереть в пути от усталости. Но откуда-то я знаю, что это невозможно. Пока я иду по туннелю, смерть мне не грозит, по той простой причине, что ее тут нет. Нет как явления. Потому что здесь нет жизни. Как только я дохожу до этой мысли, туннель кончается и я оказываюсь в просторном зале.

Зал гораздо более приветлив, чем туннель, из которого я вышел. Я оглядываюсь и не могу найти дверь, через которую я вошел. Но это меня не беспокоит. Ведь если я вошел, значит, был какой-то способ сюда попасть. Помещение светлое, по периметру вдоль стен столбы. Посередине зала небольшой круглый постамент, на нем стеклянный куб. Внутри какой-то предмет. С того места, где я стою, разглядеть его не удастся. Я иду вперед. В отличие от туннеля, здесь вполне нормальная система передвижения. Я шагаю, и куб приближается. Подойдя ближе, мне удастся рассмотреть предмет, заключенный под стекло. Им оказываются песочные часы. Я подхожу вплотную и разглядываю их через стекло. Часы выглядят совершенно обычно: никаких украшений, размером с ладонь, стеклянная симметричная колба установлена в деревянную лакированную подставку. Внутри песок, тоже на вид самый обычный. Верхняя часть колбы наполовину опустела. Тонкая струйка песка соединяет ее с горкой в нижней колбе.

Повинуясь порыву, я протягиваю руку. Против ожидания, она не упирается в стекло, а проходит дальше. Теперь я вижу, что никакого стекла на самом деле нет. Я сжимаю часы в руке и слышу какое-то странное шипение. В моей руке змея. Я вздрагиваю от неожиданности и омерзения и бросаю ее на пол. Передо мной уже нет не только стеклянного куба, но и постамента, на котором он стоял. Змея извивается на полу, приобретая форму восьмерки, затем зачем-то загла-

тывает свой собственный хвост, продолжая истошно шипеть. Этот звук становится все сильнее, заполняет собой зал, затем выходит за его пределы, обосновывается где-то там и начинает вытягивать меня за собой.

Я проснулся от звучащего в моих ушах шипения. Звук был негромкий, но настолько необычный для обстановки московской квартиры, что вызвал в моем мире достаточный диссонанс, чтобы вытащить из глубокого утреннего сна. Я сел на кровати и прислушался. Звук действительно мне не приснился, он существовал по эту сторону реальности. Встав, я пошел в сторону его источника. Мой путь прошел через смежную комнату, затем по коридору и окончился на кухне. Окончательно проснувшись по дороге, я сделал предположение, граничащее с уверенностью о природе разбудившего меня звука. Войдя на кухню, я сразу наткнулся на доказательство справедливости своего предварительного вывода. По плиткам пола растекалось мокрое пятно. Судя по скорости расширения лужи и малой площади захвата, источник бедствия появился совсем недавно. Скорее всего, меня как раз разбудило его рождение.

Прошлепав босиком по воде, я открыл дверцы мойки и получил холодной струей воды по ногам. Подпрыгнув от неожиданности, я поскользнулся, и лишь отчаянные жестикуляции позволили мне сохранить вертикальное положение. Первое, что я сделал, это побежал в туалет, где за тех-

нологической дверкой в стене прятались краны подачи воды. Перекрыв их, я вернулся на кухню. Шипение прекратилось, но лужа на полу еще по инерции расширялась. Дело было за тряпкой.

Спустя десять минут неквалифицированного труда вся вода была собрана в ведро, а пол блестел несвойственной ему чистотой. Теперь пришло время оценить величину катастрофы. Заглянув под раковину, я начал исследовать сантехническое оборудование. Внешний осмотр ничего не дал. Вторая серия манипуляций с половой тряпкой меня совершенно не привлекала, поэтому подача воды с целью обнаружить течь исключалась.

Вернувшись в вертикальное положение, я посмотрел на часы. Прибор показывал начало седьмого утра. Ложиться досыпать было уже поздно, а вот для того чтобы заехать перед работой в родной фитнес-клуб для совершения утренних санитарных процедур, времени как раз хватало. Приняв такой вариант достойным реализации, я начал собираться.

Садясь в машину, я вспомнил о своем сегодняшнем сне и снова попал под впечатление от пережитого опыта. Обычно сны не оставляют в моей памяти настолько глубокий след, чтобы спустя полтора часа после пробуждения, затаив дыхание, прокручивать их в голове. Но этот сон оставил. Я вспоминал то ощущение тоски, замешанное на безразличии к самому себе, которое сопровождало меня, пока я шел по бесконечному коридору. Затем – то чувство осво-

бождения, вслед за которым пришло ощущение осмысленности происходящего, и вдохновения, когда я попал в зал с постаментом. Потом был энтузиазм исследователя окружающей действительности, который заставил меня протянуть руку к песочным часам. Но вот закончилось все отталкивающим омерзением, которое я испытал, когда в моей руке оказалась змея. Было ощущение, что лейтмотивом всего сна была как раз борьба тех самых чувств энтузиазма и омерзения. И вообще получалось, что мне снились в основном чувства, а сам сюжет был весьма беден, поскольку вторичен. При этом даже я понимал, что оформление сна переполнено символами, от обилия которых бился бы в экстазе любой толкователь сновидений. Решив при случае заглянуть в какой-нибудь интернет-сонник, я временно затолкал воспоминания о сне в дальний угол своей памяти и поехал на работу.

К вопросу бытового потопа на кухне я вернулся только к обеду. Покопавшись с минуту в себе и не найдя там ни малейшего желания быть сантехником даже на один вечер, я решил обратиться к профессионалам. Все-таки каждый должен заниматься своим делом, а специализация – одна из положительных достижений современности.

Честно говоря, я даже не представлял, как вызывают сантехников. К тому же меня немного пугал персонаж, настолько окутанный имиджем ненавязчивого советского сервиса. Устоявшийся стереотип говорил о том, что явится он не раньше, чем через неделю, в неудобное для работающего

хозяина квартиры буднее время, причем пьяный. С другой стороны, я понимал, что рыночная действительность непременно должна была отреагировать на пустовавшую нишу трезвых оперативных сантехников появлением соответствующих персонажей. Чтобы проверить свои догадки, я открыл в рабочем компьютере интернет-браузер и запустил поисковик. Не мудрствуя лукаво, в строке поисковика я так и напечатал «вызов сантехника». Как я и предполагал, всемирная паутина с готовностью откликнулась на запрос широким ассортиментом предложений по теме. Тут были и «вызов сантехника срочно» и «сантехнические работы не дорого» и «выезд сантехника 24 часа» и даже «решим все домашние проблемы от ремонта до переезда». Назло рекламодателям, оплатившим топовые позиции в рейтинге поискового сайта, я отсчитал седьмую строчку сверху и набрал указанный в ней номер.

– Здравствуйте, – поприветствовал меня неожиданно приятный женский голос спустя всего лишь два гудка ожидания. – Чем могу помочь?

– Добрый день, – ответил я. – Я хотел бы вызвать сантехника, у меня что-то на кухне прорвало, пришлось даже воду отключить.

– Когда вам будет удобно принять специалиста? – спросил голос.

– Сегодня можно?

– Разумеется, во сколько вам будет удобно?

– В восемь можно? – не веря своему счастью, уточнил я.

– Конечно, – снова обрадовал меня голос. – Ваш адрес и телефон?

Я продиктовал всю необходимую информацию, получил заверение, что «специалист» у меня будет, и под впечатлением от скорости, с которой в современном мире решаются подобные проблемы, положил трубку.

Столкновение с высоким уровнем сервиса наполнило мое сознание чувством, которое утверждало, что не все в нашей стране окончательно плохо и некоторые области даже подают надежды. С ощущением полной устроенности мира я продолжил профессиональную деятельность.

Тем же вечером, в восемь часов пять минут по моей квартире действительно разлилась трель входного звонка. Открыв дверь, я обнаружил на пороге молодого парня в синей спецовке с большим ящиком инструментов в руке. Парень широко и приветливо улыбался.

Честно говоря, вид современного сантехника меня неслабо удивил. И дело было даже не в том, что он был не похож на человека такой профессии, наоборот, стоящий на пороге персонаж настолько совпадал с моим представлением об идеальном сантехнике, что был просто неправдоподобен. Молодой, приятный, жизнерадостный, аккуратный, спортивный, да к тому же с лицом интеллигента. Такие люди в моей Игре не идут работать сантехниками. Парень поздоровался, уточнил, правильно ли он попал, и, получив утвер-

дительный ответ, прошел в прихожую.

Есть на свете такие люди, при общении с которыми чувствуешь себя очень комфортно. С ними знакомство само собой начинаешь с обращения на ты, а разговор сам по себе строится по-приятельски. Не знаю, с чем это связано, но, на мой взгляд, это редкий талант, который можно использовать с большой выгодой для его обладателя. Парень был бесспорным владельцем такого таланта, и тем удивительнее была его профессия.

– Привет, – поздоровался он. – Меня Саша зовут.

Только человек, обладающий упомянутым талантом, может в первый раз обратиться ко мне в такой фамильярной форме и вместо агрессии вызвать симпатию.

– Андрей, – представился я.

– Что стряслось?

– Прорвало что-то на кухне под раковиной. Я, честно говоря, и не разбирался особо, что именно, только воду перекрыл и вот жду специалиста.

– Ну что ж, давай, посмотрим, – предложил Саша. – Ты не против, если я в ботинках пройду?

– Валяй, – перешел я на совсем уж панибратский тон.

Мы прошли на кухню. Поставив ящик с инструментами, Саша без промедления нырнул под раковину. Я остался снаружи ждать заключения. Спустя минуту гость высунул голову, подтянул ящик с инструментами, открыл крышку, достал фонарь и вместе с ним вернулся на исходную. Минуту спу-

стя он снова появился снаружи.

– Все понятно, – заключил он. – Шланг порвало, запасной у меня есть. Шланг плюс работа плюс вызов всего тысяча рублей. Пойдет?

– Пойдет, – согласился я.

Александр снова углубился в чрево своего инструментального ящика, немного пошарив там, достал шланг в металлической оплетке, затем гаечный ключ и нырнул обратно. Не зная, чем себя занять, пока специалист работал над моей системой водоснабжения, я пошел в комнату. Здесь я сел на кресло и задумался над тем, чем занять этот вечер. К моему удивлению, занять себя было совершенно нечем. То есть дело, конечно, найти труда не составляло, но вот желания отдаться одному из них обнаружить в себе не удавалось. Тогда я предпринял то, что предпринимает на моем месте подавляющее число соотечественников. Я подхватил пульт дистанционного управления, плюхнулся на кресло и выстрелом невидимого луча включил телевизор. Когда-то, очень давно, я прочитал, что телевидение является идеальным развлечением, поскольку привлекает внимание человека на инстинктивном уровне. Дело в том, что в нас до сих пор живет унижительный инстинкт животного, боящегося стать жертвой проходящего мимо хищника. Поэтому если в окружающем мире происходит какое-то резкое изменение, то наше внимание моментально приковывается к этой области в попытке определить уровень угрозы. А поскольку телевидение

в большинстве случаев представляет собой череду меняющихся картинок, человек просто таращится в него, приближенный к креслу первобытным инстинктом. Как белка в колесе, которая с энтузиазмом бежит по движимой своим же весом дорожке, не утруждаясь размышлениями на тему смысла такого движения без перемещения в пространстве.

Монотонным переключением каналов я стал получать в свое сознание соответствующие порции информационного мусора. Пройдя два круга, я остановил свой выбор на программе новостей. Эта передача была удобна тем, что ее можно было смотреть с любого места без ущерба для зрелищности. Единственное, что меня здесь совсем не привлекало, так это новости спорта и прогноз погоды. Второе я всегда мог узнать через Интернет, причем за гораздо меньшее время. Первое же мне было в принципе не интересно. Я даже не понимал удовольствия от просмотра самих спортивных состязаний. Хотя при некотором напряжении воображения я все-таки мог представить, в чем радость от самого зрелища. Но понять, в чем смысл познания сухой информации о результатах соревнований, мне не могло помочь даже оно. То есть если пользоваться терминами моей теории: в эти игры мне играть было не интересно.

Тем временем экран показывал сюжеты, не занимающие строчки в моем личном антирейтинге, а следовательно, имевшие все шансы на временное заполнение собой моей действительности. Поскольку канал был чисто новостным –

передачи новостей шли на нем круглосуточно. С другой стороны, то ли новостей в мире не хватало на двадцатичетырехчасовую трансляцию, то ли у канала не хватало ресурсов, чтобы такую трансляцию изготавливать, но спустя какое-то время сюжеты стали повторяться. Поскольку по второму разу все это смотреть я был не готов, я выключил телевизор и пошел на кухню узнать, как протекают дела с ремонтом.

Войдя, я обнаружил Александра, складывающего инструменты обратно в ящик. При моем появлении он приветливо заулыбался, чем вызвал очередную волну расположения к своей персоне. Я вообще заметил, что улыбки очень положительно влияют на отношения людей. И даже если общеизвестно, что конкретный человек самый настоящий гад, очень трудно хранить в себе такое к нему отношение, если он улыбается. По крайней мере, для меня. Более того, я просто не представляю, как всяческого рода угрюмым продавщицам в магазине удастся сохранить эту свою угрюмость в ответ на активную улыбчивость покупателя. А они сохраняют. Сам не однократно проверял. Возможно, дело в том, что моя собственная улыбка выглядит гораздо менее располагающей, чем среднестатистическая по стране. А может быть, это у меня такое трепетное отношение к человеческим улыбкам из-за их нехватки в моем направлении. А для людей, работающих в сфере обслуживания, они не являются такой уж редкостью. Им, наверное, каждая вторая сволочь улыбается. То есть приелось. В любом случае, лично я от улыбки таю,

как енот из мультика, особенно если ее автор обладает такой харизмой, как Александр.

– Готово, – проинформировал меня он, продолжая копать в своем ящике. – Ты представляешь, был сегодня в квартире какого-то пупка. Прямо перед тобой. В новых домах через дорогу. Так он мне вместе с оплатой вон чего сунул. Как ни отмазывался, все равно всучил. Сантехник достал из своего необъятного ящика бутылку коричневого оттенка и продемонстрировал этикетку. Надпись на ней гласила Hennessy X.O. По форме бутылка напоминала гитару, страдающую ожирением. Ее низ, потеряв необходимую для инструмента округлость, расплывался по основанию, демонстрируя на своих боках отлитые в стекле виноградные грозди. В районе пупка толстухи красовался овал с надписью Hennessy.

– Ого, легендарный коньяк. Дорогуший, наверное, – присвистнул я.

– Вот и я так думаю, – согласился Александр. Слушай, может, продегустируем? У меня на сегодня больше заказов нет, а одному как-то скучно пробовать.

Предложение звучало заманчиво. Однако пить почти что с первым встречным было немного некомфортно с точки зрения соответствия неким общепринятым нормам поведения. Правда, каким точно нормам, я не знал. Просто было ощущение дискомфорта в области социально-культурного восприятия. Но уж больно перспективный собутыльник

был человеком приятным. А если человек тебе симпатичен, то, по современной русской традиции, положено это выразить путем совместного распития алкогольных напитков. В этом разрезе употребление дорогого коньяка на собственной кухне даже с первым встречным не представлялось чем-то предосудительным. К тому же если такое мероприятие считается абсолютно нормальным в купе поезда, салоне самолета, ресторане, бане, да фактически в любом общественном месте, которое подразумевает наличие свободного времени у его посетителей, почему бы его не провести у себя дома. В результате я согласился:

– Ну, давай, уговорил, когда еще такую заморскую дрянь попробуем, – ответил я. – Только у меня коньячных бокалов нет. Если честно, у меня вообще никаких бокалов нет и рюмок тоже. Как-то так сложилось, что я дома не пью. Обычные кружки сильно испортят впечатление? – спросил я и сам удивился странности описанной ситуации. Мне представлялось, что специальная посуда для употребления алкоголя есть в каждом доме. И если она отсутствует, то тому должна быть весомая причина. Например антиалкогольные убеждения всех его обитателей. У меня такой причины не было. Просто если я что-то и пил один, то это было пиво. А его я предпочитал употреблять прямо из бутылки на радость рекламодателям. Напрашивался неутешительный вывод, что из тех, с кем хотелось бы предаться распитию спиртных напитков, ко мне никто не ходит. Мероприятию, являю-

щемся такой важной частью в духовной и социальной жизни подавляющей части мужского населения нашей страны, просто не было места в моей жизни. От этого стало немного грустно. Грустно было по двум причинам: от размышлений на тему роли алкоголизма в жизни страны и размышлений на тему моего в ней неучастия.

– Да, я думаю, можно и из кружек, – заверил меня Александр. – Коньяк он и в блюде коньяк.

Я выбрал однотонные кружки, чтобы хотя бы рисунками не оскорблять благородного содержимого. Обследование холодильника позволило присовокупить к процессу сырную нарезку и традиционный лимон. Гость тем временем откупорил бутылку. Спустя три минуты первая порция ее содержимого была разлита по посуде и, под банальный тост, отправлена в пищеводы участников собрания. Как и следовало ожидать, коньяк разлился по ним мягкой теплотой, ответом организма на которую стало плавное повышение настроения.

– Вещь! – сделал емкое заключение мой собутыльник.

– Согласен, – согласился я.

От первой выпитой порции качественного алкоголя всей сущности заметно похорошело. Я думаю, что в основном из-за этого чувства люди и потребляют спиртные напитки. Из-за него и еще из-за той предпоследней стадии опьянения, которая дает ощущение бесконечного веселья. К сожалению, она наступает не всегда, в независимости от количества вы-

питого.

То, что происходит в промежутке между этими стадиями, и уж тем более то, что случается обычно после, не так приятно. Поэтому цель каждого пьяницы – как можно быстрее проскочить упомянутый промежуток и как можно дольше оставаться в сознании. Хотя, конечно, есть любители.

С другой стороны, вполне возможно, что такие выкладки справедливы лишь для тех людей, кому есть чем заняться вне алкогольного опьянения. Для тех, кто отключает свой мозг с чувством выполненного долга, принимая дар Бахуса как заслуженную награду или даже как отдых для поддержания своих сил, так необходимых в дальнейшей борьбе. Но мне виделось, что есть и другая каста пьющих. Те, кто заливает в себя простые в приготовлении спиртные напитки, чтобы избавиться от мучений настоящего, в котором им не нашлось комфортного места. В этом случае все эти переходы между стадиями вопрос чисто технический и большого значения не имеет. Вот такая вот игра в игре и вот такие вот странные правила.

Неожиданно меня в очередной раз захватила волна логического обобщения. Это ж надо было придумать такое вещество, которое при употреблении внутрь подавляет участки человеческого мозга, ослабление которых высвобождает неконтролируемую радость существования или как минимум глушит горечь бытия. На мой взгляд, наличие такого механизма, держащегося на настолько сложной череде причин-

но-следственных связей, категорически свидетельствовало об искусственном происхождении самого явления. Другими словами, опьянение кто-то специально придумал, когда делали Игру. Эта мысль показалась мне достойной устного выражения.

– Ты знаешь, Саш, – начал я повествование с уточняющего вопроса, – как работает механизм опьянения?

– Не очень, – признался он.

– Хошь, расскажу? – предложил я.

– Интересно.

– Тогда давай еще выпьем, – предложил я, и мы выпили.

После этого я начал свое повествование, слегка размякшее под воздействием алкоголя в области дикции и логического построения.

– Так вот. Общеизвестно, что алкогольные напитки содержат этиловый спирт. А этиловый спирт – это растворитель. Когда этот растворитель попадает в кровь, то он смывает какой-то там жировой слой с эритроцитов. Вот. Лишившись этого слоя, эритроциты эти начинают слипаться и образуют грозди. Это так кажется и называется «эффект виноградной грозди». Так вот, эти грозди не везде в кровеносной системе пролезают. И в первую очередь они застревают в капиллярах, снабжающих кровью мозг. Тот микрочастьок мозга, на подходе к которому слепленные эритроциты забили капилляр, остается без кровоснабжения, то есть без кислорода. Соответственно, он как бы отключается. Вот

от этих отключений мы и кайфуем. Потому как отключаются в первую очередь центры, ответственные за критическое суждение об окружающем мире. То есть мир остается все тем же говном, только нам он больше нравится, потому что мы превращаемся в полудурков с полуотключенным мозгом. Ты вот когда-нибудь был трезвым в пьяной компании?

– Нет.

– А я был, и не раз. Так вот я тебе заявляю ответственно, как объективный наблюдатель. Когда люди выпивают, они становятся умственно отсталыми. Понимаешь, в чем прикол? Ты вот пьешь, и тебе кажется, что ты крут. Ты остроумен, красив и силен. Можешь соблазнить любую девушку, а можешь навалить любому гопнику. А на самом деле ты просто дурачок, который по своей мозговой слабости во все это верит. По той же самой причине я и тебе эту чушь несу, а ты даже слушаешь.

– О как, – удивился Александр. – Не знал. Давай под такую информацию еще накатим.

Мы так и сделали.

– Интересно, и почему все так? – задал абстрактный вопрос Александр.

Но для меня такой вопрос абстрактным не был, и уж тем более риторическим. У меня-то как раз было объяснение, которое я готов был обрушить на хмельной разум моего гостя.

– Ты знаешь. У меня есть теория на этот счет. Более того, я

уверен в ее правдивости, – с заговорщицким видом сообщил я сантехнику. – Хочешь, расскажу?

– Давай, – с явной заинтересованностью и таким же заговорщицким видом ответил он.

– Мы в Игре! – торжественно сообщил я. Собеседник ответил удивленно-заинтересованным взглядом, подталкивающим к дальнейшим объяснениям. И я решил удовлетворить его любопытство полностью. – Вот смотри. Давай начнем, абстрактно с самого начала.

– Давай, – проявил активную заинтересованность Александр.

– Ты играешь в компьютерные игры? – спросил я.

– Регулярно, у меня приставка есть, – удивил меня он подробностями быта современных сантехников.

– Ну, так вот: приставка твоя – это одна из ступеней эволюции игр. С тех пор, как появились компьютеры, появились и компьютерные игры. Сначала это было нечто совсем простое, типа тетриса. Сейчас это уже некая виртуализация на большом экране с высоким разрешением, бывают даже трехмерные и со стереозвуком. Следующим этапом, можно с уверенностью предположить, будет полная трехмерная визуализация. Ну, например, шлем на башке и игра вокруг. Потом разрешение визуализации достигнут пределов возможностей наших глаз, и мы будем видеть в игре картинку ничем не отличимой от той, что видим вне ее. Потом придет виртуализация остальных трех чувств. Мы будем чувствовать

в игре запахи, вкусы и каким-то образом физические прикосновения. То есть наступит полная виртуализация, ничем не отличимая от этого мира. Но! – я сделал многозначительную паузу, – полная, да не полная. Для того чтобы виртуализация была совсем полной, то есть не отличимой от реальной жизни, необходима еще одна степень виртуализации. Я ее назвал для себя «психологическая виртуализация».

В этот момент Александр как-то странно дернулся, и его глаза на секунду удивленно расширились. Однако я не придал тогда этому значение и продолжил.

– Психологическая виртуализация состоит в том, что ты действительно веришь, что вокруг тебя настоящая жизнь. И только в этом случае впечатление от игры будет абсолютно полным, – заявил я. – И для того чтобы достичь этой психологической виртуализации, необходимо всего лишь отключить воспоминание обо всем, что вне игры. В таком случае ты играешь, но не понимаешь, как ты в игру попал и зачем. Не можешь объяснить ее законы, а можешь только их изучать и подстраиваться. Не знаешь цели игры. Просто играешь и получаешь максимальное количество впечатлений. Ничего не напоминает?

– Неужто наша жизнь? – уточнил Александр.

– Ну, ты сам подумай, как все это, – я обвел руками окружающее пространство, – могло получиться случайно. Из какого-то там большого взрыва, случайной клетки, эволюции. Не было никакого большого взрыва, есть только Большая

Игра. Результат трудов большого количества разработчиков. Слоны, утконосы, обезьяны, акулы. Искусство, политика, войны, экономика. Вулканы, океаны, пустыни, облака, дождь. Мы просто привыкли к этому, но какой нормальный человек поверит, что все эти хитросплетения появились случайно. Ну, это же бред полный!

Последняя фраза увязла в очень внимательном взгляде моего собеседника. Он смотрел мне в лицо так пристально, как будто по моему лбу бежала строка срочных новостей и Александру было важно успеть ее прочитать. В пылу своего рассказа я не обращал на это внимания, но теперь понял, что он смотрел на меня таким образом, в течение всей моей речи. Я почувствовал себя не уютно.

Как будто заметив мою реакцию, Александр отцепил свой взгляд от моего лица, обворожительно улыбнулся и, продолжая так улыбаться, разлил по стаканам новую порцию коньяка.

– Вообще прикольная теория, даже очень, – заверил меня он. – А ты действительно веришь, что это правда?

– Честно? Мне кажется, да. Ну, я практически уверен, что все так и есть, – ответил я, поймав опять на себе внимательный взгляд собеседника, направленный мне в район переносицы.

– Тогда я думаю, что у тебя уникальная структура психики, – заключил Александр. – Заявляю тебе с уверенностью специалиста. Я ведь сантехником работаю, честно гово-

ря, не потому что мне работать больше нечем. Я вообще-то по образованию психолог. Но только работаю не по специальности. Работаю я бизнес-консультантом. Сейчас для одного инвестора разрабатываем концепцию идеального бизнеса бытовых услуг. Он решил, что в среде российского убожества в сфере сервиса бытовых услуг качественно организованный бизнес станет золотой жилой. Вот мы и обслуживаем эту его уверенность. А я соответственно погружаюсь в среду. Только это я тебе по секрету сказал, я вообще не должен ничего рассказывать о проекте. Ну да дело не в том.

Теперь в моей голове выстроилась более правдоподобная картина происхождения идеального сантехника с лицом интеллектуала. Все-таки с лица образование не сотрешь.

– Я хоть психологом не работаю, – тем временем продолжал Александр, – но, по долгу службы, активно сотрудничаю с этой наукой. Так вот я тебе говорю с пониманием дела, что рождение у тебя в голове такой теории говорит об уникальности строения твоей психики. И для того, чтобы от этой уникальности получить максимальный эффект, надо в ней разобраться как следует. Легче всего это сделать под руководством опытного специалиста. Есть такие прикладные психологи. Я знаю нескольких. Более того, ты, возможно, настолько интересный экземпляр, что настоящий специалист такого профиля будет работать с тобой с большим удовольствием. Может, даже бесплатно. У меня есть один знакомый, хочешь, ему позвоню?

Предложение было очень странным. Но под действием алкоголя, блокирующего центры моего мозга, отвечающие за критическое суждение, и лестных слов, как теперь выяснилось, психолога-бизнес-консультанта я кивнул.

– Я этому товарищу сегодня позвоню, расскажу все, и он тебе завтра наберет. Так устраивает?

В ответ я снова кивнул.

– Тогда давай свой телефон.

Александр достал мобильный и записал под мою диктовку номер. Затем он, продолжая созерцать свой смартфон, удивленно поднял бровь, пробормотал что-то про быстротечность времени и какие-то неотложные дела. Собрал свои инструменты, пожал мою руку, в очередной раз облучив меня своей уникальной улыбкой, и исчез из моей жизни. Впоследствии, правда, выяснилось, что ненадолго.

Я остался стоять посреди коридора, растерянно удивляясь этому миру через помутненное алкоголем сознание. Такая вот Игра.

На кухне осталась недопитая бутылка коньяка. Денег сантехник не взял.

Убрав элитный алкоголь в шкаф, я принял душ и лег спать. Воспользовавшись опьянением, сон моментально обхватил мое сознание мягкими, почти не ощутимыми шупальцами и затянул в пучину забытья.

Глава 3

Я снова иду по туннелю. Здесь я уже был, я это помню. Не знаю только, когда. Наверное, это было очень давно, возможно, даже не при жизни. Несмотря на то, что я иду бесконечно долго, я уверен, что туннель вот-вот кончится. Потому что он конечен и это одно из главных его свойств. Так и случается: я оказываюсь в просторном зале. Огромное светлое помещение, посередине круглый постамент. Все, как и тогда. А когда «тогда» – этого я не помню. Уверенным шагом я направляюсь к центру, туда, где в стеклянном кубе лежит нужный мне предмет. Я чувствую, что я необходим этому предмету не меньше, чем он мне. Подойдя к постаменту, я беру в руку песочные часы. Из верхней колбы в нижнюю бежит тонкая струйка микроскопически мелкого песка. Я решаю остановить эту струйку и привожу часы в горизонтальное положение. Как это ни странно, но картина внутри часов не изменяется. Струйка песка все так же бежит из одной колбы в другую, то есть теперь уже горизонтально. При этом песок в обеих частях колбы, так же никоим образом не прореагировав на мои манипуляции, аккуратными горками остается прилеплен к своим прежним местам. Я переворачиваю часы вниз головой. Гравитация и в этом положении не оказывает никакого влияния на процессы внутри часов. Теперь струйка песка бьет вверх, прямо в вершину приклеенной к потолку

ку колбы пирамидки из песка. Это потому что струйка песка – это время, понимаю я, а оно, во-первых, идет только в одном направлении, а во-вторых, существует только внутри часов. Я пристально смотрю на фонтанчик песка, и он начинает извиваться, затем утолщается, поверхность налива­ется влажным блеском, затем проявляются ячейки змеиной кожи. У меня в руках шипящая, извивающаяся змея. Но я не боюсь. Так уже было, не помню, правда, когда. Я знаю, что она не опасна. Потому что, на самом деле, единственное, что она может укусить, так это свой собственный хвост. Видимо, поняв это, змея в моей руке так и делает. Кусает свой хвост, складываясь при этом в восьмерку. После этого она начи­нает сжиматься, и центром этого сжатия оказывается моя рука. Сжимаясь, она темнеет, контуры расплываются, про­светы между кольцами восьмерки затягиваются, и вот у ме­ня в руке уже нечто совсем иное. Это черный пластмассо­вый джойстик от игровой приставки. Эргономичная форма, сверху два манипулятора в виде грибов, шесть кнопок спереди по три под каждую руку и шесть кнопок сверху. Иденти­фицировав предмет, я начинаю оглядываться в поисках то­го, чем он мог бы управлять. Вокруг нет ничего, похожего на игровую приставку. В этот момент джойстик в моих руках начинает вибрировать, издавая при этом характерное жуж­жание. С удивлением я смотрю на него, не понимая, откуда пришел сигнал, запустивший это явление. Долго думать над этим вопросом мне не приходится...

Я проснулся от жужжания, раздающегося у меня прямо над головой. Проявившееся сознание сообщило мне, что источником подобного шума может быть только мобильный телефон на подоконнике. Я протянул руку и взял аппарат. На экране отображался неизвестный номер. После секундного колебания я решил принять звонок.

– Але, – оповестил я о своем решении.

– Доброе утро, – раздался вежливый, с элементами заискивания голос. Судя по тембру, принадлежал он мужчине за сорок. Хотя я мог и ошибаться, поскольку до этого подобное случалось не однократно.

– Доброе, – соврал я в ответ.

– Андрей? – на всякий случай уточнил собеседник.

Я согласительно промычал.

– Меня зовут Станислав Олегович, – представился звонивший. – Мне ваш телефон дал Александр, вы с ним вчера общались. Вам удобно говорить?

Как оценить, удобно мне или нет, я точно не знал. С одной стороны, я лежал один на кровати, никто не мешал мне разговаривать. Это были обстоятельства в пользу удобства. С другой стороны, я только что проснулся, точнее, меня разбудили, поэтому голова не достаточно легко соображала для сложных размышлений, к тому же в процессе обдумывания вопроса я обнаружил, что у меня похмелье, причем достаточно сильное. На основании таких исходных данных мне

не удалось принять обоснованного решения, поэтому в ответ я промычал нечто невразумительное, оставив таким образом, как мне казалось, право выбора за собеседником.

– Насколько мне известно, Александр предупреждал вас о возможности моего звонка. Я практикующий психолог. Вчера вечером мне позвонил Александр и рассказал о вас. Я очень уважаю его мнение и всегда прислушиваюсь к нему, он очень хороший специалист в своей области, поэтому я искренне считаю, что вы очень интересная личность, и хотел бы с вами встретиться. Сразу хочу развеять ваши опасения, если они существуют. Встреча не подразумевает под собой никакой коммерческой составляющей, то есть никаких денег вам это стоить не будет, – развеял собеседник мои и в самом деле зарождающиеся сомнения. – Напротив, я сам крайне заинтересован в ней как ученый. Скажите, могу я рассчитывать на личное знакомство?

– Ну, конечно, – ответил растерянно я. Ученый серьезно смутил меня таким натиском лестного содержания. Для того, чтобы отказать, нужна была причина. Нельзя же просто сказать человеку, который сделал для тебя пока только хорошее, «нет». Надо снабдить отказ хоть каким-то объяснением. А соглашаться легче. Сказал «о'кей» или «ладно» или «хорошо» – и разговор закончен. Конечно, потом придется что-то делать. Но это будет потом. Сейчас же тебе подарят спокойствие. В моей ситуации это было важно. Недавнее пробуждение на фоне похмелья формировало для меня сильный

причинный фон для скорейшего завершения общения. Поэтому я согласился. Даже на сегодня вечером. И даже записал адрес.

Положив умолкший телефон обратно на подоконник, я посмотрел на часы. К моему удивлению, электронный циферблат показывал 9.04. Значит, звонок профессора не был таким уж ранним, я просто проспал! К счастью, должность позволяла мне прийти на работу к обеду, при этом озабоченный вид при прохождении по коридору снимал с моей персоны все возможные подозрения в утреннем тунеядстве. К счастью, никаких встреч на утро у меня назначено не было.

Встав с кровати, я ощутил всю величину похмельного бедствия. Внизу тошнило, вверху болело, весь корпус пошатывало. Все-таки этиловый спирт – это яд для организма, в независимости от того, в какую форму он облачен перед приемом. Растворитель он и есть растворитель.

Собрав оставшиеся ментальные силы, я использовал их для того, чтобы подпитать силы физические в процессе транспортировки тела на кухню. Это мне удалось, причем без значительных потерь. Теперь предстояло провести процедуру возвращения в мир живых. Первым этапом был кофе. Морщась от головной боли, я дотянулся до верхней полки в кухонном шкафу, где стоял пакет с молотым кофе. Затем засыпал его в кофеварку, налил туда же воды и нажал кнопку запуска. Пока аппарат готовил мне то, чему в данных обстоятельствах можно было присвоить сказочный статус «живой

воды», я принялся за поиски элементов второго этапа возвращения. По моим соображениям, это были таблетки от головной и прочих болей. Достав из того же кухонного шкафа коробку с лекарствами, я углубился в изучение ее содержания. Поскольку история с похмельем была для меня скорее исключительным событием, чем привычным, стандартного набора лекарственных средств для такого случая я не имел. В связи с этим поиск представлял из себя извлечение на свет всего набора лекарств, которые, по моему мнению, отвечали за ликвидацию болезненных ощущений. Первый этап кастинга оставил после себя три мятые пачки с таблетками. Три – хорошее число для выбора, поскольку уже следующая итерация дает задачу с одним ответом. Второй этап кастинга представлял из себя проверку срока годности. К моему удивлению, после него осталось только одно лекарственное средство, которое и стало абсолютным чемпионом в борьбе за право спасения моей персоны от похмелья. Я извлек из упаковки две таблетки, налил в чашку только что приготовленный кофе и, отправив все это внутрь организма, поплелся в душ.

Как я и ожидал, из душа я вернулся совсем другим человеком, точнее сказать, я опять стал тем, кого можно человеком именовать. Боль притупилась, организм, получивший дозу кофеина, излучал сдержанный энтузиазм. Достав из шкафа одежду, я порадовался своей организованности в вопросе глажения рубашек про запас и, с помощью из-

влеченного имущества, приобрел вполне себе презентабельный по меркам офиса небольшой компании вид. Посмотрелся в зеркальную дверь шкафа-купе. Оттуда на меня смотрел вполне себе приличный руководитель, хоть и немного помятый употреблением дорогого коньяка. В таком виде я и вышел из дома навстречу событиям нового дня. Игра продолжалась.

Час пик уже схлынул с московских улиц, и мой автомобиль практически беспрепятственно продвигался к офису руководимой мной компании. При этом понимая, что остаточный алкоголь в моей крови может стать причиной обогащения любого попутного гаишника, стиль моего вождения отличался ортодоксальным соблюдением правил дорожного движения. В связи с этим в сильном сосредоточении на процессе вождения нужды не было, и избавленный от нагрузки мозг стал цепляться за воспоминания событий последних суток и удивляться.

Выглядело все действительно очень странно. Бывают такие фильмы, снятые плохими режиссерами. Смотришь их и не веришь. Не то чтобы показывается полная глупость, но дело в нюансах. Просто не ведут себя так люди в реальной жизни, события обычно не так разворачиваются, к тому же в сюжете таких фильмов постоянно выявляются какие-то мелкие несостыковки. Так же выглядели события последних дней. Пропавшая интернет-статья, водопроводчик-интеллектуал, психолог-альтруист, да все это еще и на фоне ка-

ких-то психоделических снов. Если бы такой набор несуразностей происходил в течение лет десяти, ну хотя бы в течение года, я бы еще мог понять. Большую Игру периодически клинит. Но это все вписалось в несколько дней. Как-то уже слишком похоже на этот самый плохой фильм.

И все же я тогда подумал, что, возможно, нахожу таинственные странности там, где их на самом деле нет, просто потому, что мне хочется, чтобы они существовали. Ведь если не все, то очень многие страстно желают, чтобы их Игра была не такая, как у других. Хочется приключений вместо бытовухи. С сожалением я решил остановиться на этой точке зрения, но при этом не оставлять надежды на выдающееся будущее и быть готовым в любой момент нырнуть в омут уверенности в исключительности своей судьбы. Но все-таки для того, чтобы не оставлять в душе ощущения упущенных возможностей, я решил, во-первых, постараться разгадать с помощью Интернета значения моих странных снов и, во-вторых, сходить-таки на бесплатный прием к психологу-альтруисту.

К реализации своего первого решения я приступил на работе сразу после обеда. Поскольку даже современному подростку, познания которого в семиотике ограничены просмотром голливудских фильмов, ясно, что песочные часы и змея, кусающая себя за хвост, это неспроста, начал я поиск именно с этой области. Запрос в поисковой системе «змея, кусающая себя за хвост», как и ожидалось, был щедр на ре-

зультаты. Открыв несколько ссылок, я без труда узнал, что символ этот называется «уроборос», про которого имелись следующие сведения:

«Уроборос является одним из древнейших символов, известных человечеству, точное происхождение которого – исторический период и конкретную культуру – установить невозможно. Несмотря на то, что символ имеет множество различных значений, наиболее распространённая трактовка описывает его как репрезентацию вечности и бесконечности, в особенности – циклической природы жизни: чередования созидания и разрушения, жизни и смерти, постоянного перерождения и умирания.»

Далее еще было много подобной философско-мистической мути, смысл которой мне было ухватить безнадежно трудно. Среди всего этого мрака абстрактных смысловых нагромождений встречалась даже такая информация:

«В теории архетипов, согласно мнению Карла Густава Юнга, „уроборос“ является символом, предполагающим темноту и саморазрушение одновременно с плодородностью и творческой потенцией. Этот знак отображает этап, существующий между описанием и разделением противоположностей (принцип, согласно которому дуализм является неискоренимым и незаменимым условием всей психи-

ческой жизни).»

Эта информация окончательно отбила мне желание погружаться далее в вопрос. Про Юнга я, конечно, слышал, но представить «темноту и саморазрушение одновременно с творческой потенцией» я был не в состоянии. Поэтому я переключился на песочные часы.

Поступив аналогичным с уроборосом способом, на одном из сайтов я нашел следующий текст:

«Песочные часы являются в первую очередь символом не смерти, а бренности и текучести времени, который, естественно, включает в себя также мысль о смерти и неотвратно приближающемся смертном часе. Песочные часы прежде всего относятся к атрибутам бога времени Крона. Так как прибор для его функционирования постоянно нужно переворачивать, он также созвучен мировой картине цикличности временных процессов, т. е. с „вечным возвращением“ космических ситуаций. Символ песочных часов в качестве призыва к добродетели должен напоминать об умеренности для того, чтобы отмеренное человеку время произвольно не сокращалось за счет излишеств.»

Было бы большим преувеличением сказать, что полученная информация мне что-то прояснила. С другой стороны, эзотерика потому и называется таким колючим словом, что

без тренировки понять ее довольно сложно. Тренироваться же мне было некогда, поэтому я скопировал два отрывка на лист текстового редактора и пустил получившийся документ на печать. Распечатанный листок я засунул в портфель до лучших времен. Хотя что это за времена, я себе не представлял даже смутно.

Тем временем рабочий день тянулся с большим трудом. Несмотря на то, что уже к обеду последствия вчерашнего возлияния покинули мое тело, в душе все еще оставалась некая ментальная шероховатость, основанная на чувстве вины за содеянное. Зачем было напиваться с малознакомым человеком, да еще и вываливать на него свои странные теории? Вроде ничего в них особенного нет, обычные фантазии, тем непонятнее реакция на них собеседника. Ладно бы он по пьяни присудил мне «уникальную структуру психики», в этом состоянии и не до такого додуматься можно. Так ведь он реально позвонил какому-то психологу, который действительно заинтересовался моей этой «структурой». Весь остаток рабочего дня я постоянно возвращался к этим мыслям, как будто языком нащупывал дырку от выпавшей недавно пломбы. Со всякими выходящими за обычное течение жизни вещами всегда так: нет-нет да и свернет разум проведать, как они там, эти необычности. И не важно, о хороших вещах идет речь или о плохих, невозможно выбросить их по желанию из головы на длительный срок – все время возвращаются. Спасает лишь то, что со временем все они сами ухо-

дят, и часто безвозвратно. Если бы не так, то наша голова давно бы превратилась в этакую банку со шпротами, в которой битком были бы набиты мысли о всякой всячине, да так плотно, что и пошевелиться бы не могли. Лежали бы себе неподвижно и не давали бы образоваться ни одной новой мысли.

За десять минут до конца рабочего дня я достал бумажку с адресом психолога, для того, чтобы определить, где я обещал быть сегодня вечером.

Оказалось, что место назначения находится прямо на моем пути домой. Мне следовало посетить новое офисное здание, мимо которого я проезжал два раза в день. С появлением этой информации последняя причина, по которой я мог бы отказаться от этой встречи, отступила, и ее место заняла уверенность окончательного решения.

Спустя примерно час я уже подъезжал к тому самому зданию. Расположенное отдельно от других домов, оно представляло из себя достаточно оригинальное зрелище. Начинаясь все, как египетская пирамида: скошенные стены были оформлены и покрашены соответствующим образом. Однако пирамида эта была лишена большей части положенной ей по классическим канонам вершины, тем самым имея возможность быть основанием продолжающемуся вверх зданию. К этому основанию посередине создатели приделали подъезд, а сверху водрузили два круглых блиндажа. На каждый блиндаж поставили по зачехленному в сплошное тем-

ное стекло корпусу сложной многоугольной формы. Дополнительную экстравагантность всей конструкции придавало еще и то, что поперечные габариты верхних корпусов были значительно шире основания-пирамиды. В общем, полное торжество современной архитектуры над здравым смыслом. По своему опыту я знал, что подобные здания причудливой формы наряду со своей выдающейся внешностью причиняют массу неудобств своим обитателям. Причина в том, что все эти смелые формы снаружи держатся на основании крайне неудобного расположения стен и углов внутри. Порой попытки вменяемо расставить столы и офисное оборудование вдоль всех этих неадекватных изгибов сжигают не один миллион нервных клеток административного персонала.

Шлагбаум отделял подъезд к зданию, что в условиях московских трудностей с парковкой было более чем логично. Рядом со шлагбаумом располагалась будка охраны, гораздо более солидного вида, чем обычно довольствуется офисный сторож-парковщик. По размерам это даже была скорее не будка, а небольшой дот. Сооружение было выполнено в том же стиле, что и офис, к которому принадлежало. Такое же пирамидальное основание и такое же темное остекление сверху. Если бы меня теперь попросили сфантазировать блок-пост будущего, то лучше этого образа мне навряд ли удалось бы что-то из себя выжать.

Решив, что, как гость обитателя здания, я имею полное право воспользоваться местной стоянкой, особенно с уче-

том уже наступившего окончания рабочего дня, я подъехал вплотную к самому шлагбауму и стал ждать. Некоторое время ничего не происходило. Я было уже подумал, что блокпост пуст, когда из-за него показался охранник. Его вид меня привел в замешательство. Воинственный образ будки парковщика я еще мог отнести на фантазию архитектора самого здания, поскольку у него ее явно было с избытком. Но вид самого «парковщика» я объяснить никак не мог. К моей машине шел реальный боевик из кино. Здоровый мужик в диковинной черной форме выглядел слишком внушительно для окружающей действительности. Берцы, португеза, бронежилет, наушник рации в ухе и особенно короткий автомат делали его таким же чуждым элементом этого мира, каким мог бы стать спортивный болид формулы, один на разбитом асфальте провинциального российского города.

Пока он приближался к моей машине, я активно сожалел о той череде собственных умозаключений, которая ввела меня в заблуждение относительно возможности парковки внутри охраняемого этим человеком периметра. Я прекрасно представлял ту унижительную сцену, которая произойдет через несколько секунд. Что бы ни сказал мне сейчас этот вооруженный товарищ, речь его будет определенно нелицеприятная, а результатом ее станет то, что я дрожащими руками буду крутить руль, выгоняя машину задним ходом на проезжую часть.

Но видимо в Игре есть такие механизмы, которые, запу-

стив ход событий нестандартным образом, оказывают влияние не только на основную сюжетную линию, но и на второстепенные процессы. Вместо того, чтобы совершить со мной положенный по стандартному сюжету комплекс моральных насилий, боевик подошел к водительской двери, широко улыбнулся ласковой гостеприимной улыбкой и назвал мое имя с вопросительной интонацией. Я подтвердил свою принадлежность к названной личности, после чего охранник, продолжая лучезарно улыбаться, сообщил, что «меня ожидают», и предложил припарковать автомобиль на свободное место рядом со входом в офис. Последнее предложение он снабдил широким приглашающим жестом, который, судя по всему, послужил сигналом его напарнику, поскольку спустя секунду шлагбаум поднялся. Совершенно очарованный проявленным гостеприимством, я припарковал машину в предложенном месте и в наилучшем расположении духа вошел в здание.

В холле меня ждала более предсказуемая, хотя тоже вполне себе выдающаяся картина. Огромный зал со всех сторон блестел светлым отполированным мрамором. Колонны, кожаные диваны, стеклянные стены и другой пафосный офисный минимализм.

Посреди всего этого великолепия располагалась стойка рецепции. За нею сидел человек. После того, как я подошел ближе, мне открылось, что человеком была ослепительной красоты девушка, которая расцветала в обворожитель-

ной улыбке, способной поднять самооценку мужчине практически любого возраста. Я не был исключением, а с учетом наложения на положительные эмоции от обращения со мной охранника, к тому моменту, как я оказался напротив рецепции, я был на седьмом небе от ощущения собственной значимости.

– Добрый вечер, – сообщила мне девушка. Тембр голоса полностью соответствовал внешней красоте. – Могу я чем-то вам помочь?

Еще как, подумал я про себя, и очень даже во многом. Например, поехать прямо сейчас ко мне домой и остаться там навсегда. Вот только это мне не светит, причем никогда. Пропась между моим миром и тем, в котором эта девушка ездит к кому-то домой, настолько огромна, что с одного ее края другого даже не видно. Мне вообще не понятно, зачем такие девушки существуют внутри моей Игры. Это же просто издевательство! Зачем нужен вызов, который невозможно достойно принять? Ведь ежу понятно, что она улыбается мне сейчас, во-первых, из профессиональной вежливости, а во-вторых, потому что меня совершенно не знает. Знала бы она, что я из себя представляю, скорее всего, предпочла бы меня вообще не заметить. Тем временем девушка продолжала улыбаться и смотреть на меня, не подозревая о моих мыслях и о том, что «я из себя представляю», усиливая тем самым когнитивный диссонанс моих чувств.

– У меня встреча со Станиславом Олеговичем, – не в си-

лах сдержать ответную улыбку, сообщил я.

– Значит, вы – Андрей, – сообщила мне собеседница, грациозно поднялась, вышла из-за стойки и добавила: – Следуйте за мной.

В полный рост она выглядела так же безупречно. Покачивая бедрами, моя провожатая пошла через зал. Радуюсь появлению удачного ракурса обзора обтянутых деловым платьем девичьих форм, я поплелся следом. В углу зала оказалась не заметная случайному взгляду перегородка, за которой пряталась дверь лифта. Девушка завела меня за нее и нажала кнопку вызова. После этого она сообщила, опять же наградив окружающее пространство своей потрясающей улыбкой, что мне необходимо подняться на восьмой этаж и направиться в комнату 832, направо по коридору. Причем она сказала именно комнату, а не кабинет, что меня слегка озадачило, но не настолько, чтобы что-либо уточнять.

К моему облегчению, девушка развернулась и скрылась за стеной, отгораживающей лифт от холла. Возможно, это только моя индивидуальная особенность, которая не свойственна остальным мужчинам, но я чувствую себя неуютно в подобном обществе. Где-то внутри постоянно присутствует ощущение упущенного шанса, причем как прошлого, так и настоящего и даже будущего. Прошлого – потому что до сих пор никогда не был с такой девушкой, настоящего – потому что сейчас нет смелости даже попробовать это изменить, и будущего – потому что осознаю, что и в грядущем

ситуация никак не изменится. Единственный способ избавления от дискомфорта – это выведение раздражителя сначала из поля зрения, а потом и памяти. Вот и мучаюсь так, пока очередная красавица сама собой не покинет мое жизненное пространство.

Тем временем со стороны лифта раздался мелодичный звонок, свидетельствующий о появлении кабины. Я вошел и нажал на кнопку восьмого этажа.

Лифт был совсем маленький, максимум человека на четыре, что было странно, учитывая размер здания. Объяснение было только одно – меня отвели к какому-то запасному лифту. В подтверждение этой догадки лифт был совершенно обычный: обитые металлическими листами стены, пластмассовый квадратный светильник под потолком, невнятное покрытие пола, и все это на фоне пафосности самого здания.

По окончании короткой поездки двери открылись и выпустили меня в коридор.

Выйдя из лифта, я остановился в недоумении, поскольку оказался в самом что ни на есть стандартном гостиничном коридоре. Направо и налево уходил узкий холл, в стенах которого через равные промежутки располагались двери номеров. Гостиница выглядела дорогой: ноги утопали в высоком ворсе ковра, картины на стенах очень эффектно смотрелись в мягком свете встроенных светильников. Теперь мне стало ясно, почему встретившая меня девушка назвала помещение, в которое я должен был проследовать, комнатой,

а не офисом. Я решил, что видимо часть здания было отдана под гостиничные номера, в которых селились иногородние сотрудники во время командировок в столицу. Объяснение выглядело вполне логичным, в связи с чем я решил вычеркнуть представшую передо мной картину из реестра странных событий сегодняшнего дня и внести ее в реестр всего лишь любопытных.

Руководствуясь полученными указаниями, я повернул направо и стал искать номер 832 на дверях комнат. Желанная цифра была обнаружена в самом конце коридора. Не найдя никаких приспособлений для оповещения о своем присутствии, я просто тихонько постучал костяшками пальцев по двери.

– Войдите, – ответили мне из номера. И я вошел.

Сразу за дверью, без какого-либо предупреждения в виде коридора, начиналась большая комната, которая представляла собой самый настоящий, по-голливудски типичный кабинет психолога. Половина всех стен до самого потолка была заставлена стеллажами с книгами. По центру располагался большой рабочий стол из дорогого дерева и типичного вида кушетка. Такие всегда показывают в популярных фильмах, когда по сюжету герой ходит к психологу. Но все бы было ничего, если бы не внешность самого обитателя кабинета. Из-за стола навстречу мне встал настоящий Зигмунд Фрейд. В возрасте, с бородой, в жилетке, с умным серьезным лицом немецкого мыслителя, точь-в-точь как на черно-белых порт-

ретах. Я с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться. Это мне удалось не до конца, в связи с чем я стал очень активно по-идиотски улыбаться.

На мой физиономический посыл Станислав Олегович ответил гораздо более умной и очень приятной улыбкой. Затем он пожал мою руку, тоже очень интеллигентно, снабдив приветствие простыми, но, как мне захотелось думать, искренними словами:

– Здравствуйте, Андрей, спасибо, что пришли. Прошу вас, присаживайтесь, – указав на одно из кресел напротив своего стола, добавил он.

Я сел. Кресло оказалось гораздо удобнее, чем выглядело на вид. Бывает такая сидячая мебель, которую можно оценить, лишь воспользовавшись по назначению. Выглядит она частенько неказисто, кажется, что сидеть будет крайне неудобно, поскольку сочетание всех этих кожаных подушек, деревянных резных подлокотников и спинок не дает даже намека на эргономичность конструкции. Но после того, как на это чудо мебельного ремесла случается сесть, на ум сразу же приходит банальность про то самое золото, которое не блестит. Напротив стола стояли два таких кресла, и после того, как я, воспользовавшись предложением, уселся на одно из них, хозяин устроился на другом. Поскольку стол был огромных размеров, а кресла стояли по краям, мы оказались друг напротив друга, на достаточно почтительном для первой беседы расстоянии.

– Итак, – начал Станислав Олегович. – Расскажите о себе.

При этом он взял со стола не менее классический, чем вся остальная обстановка, блокнот в кожаном переплете и приготовился делать пометки. Польщенный настолько глубоким интересом к своей персоне, я принялся рассказывать. Причем все подряд. Где родился, как жил, где работал. Собеседник старательно что-то писал в своем блокноте. Уложился я минут в тридцать. В течение всего моего монолога Станислав Олегович продолжал проявлять живейшей интерес к моей персоне, в некоторых местах даже вставлял восхищенные междометья.

После того как я закончил свою устную автобиографию, психолог довольно долго молчал и что-то писал в блокноте. Мне всегда было интересно, что психологи там пишут. Наверно, что-то типа «пациент такой-то, при первой встрече проведен стандартный опрос, автобиография тридцать минут, в процессе рассказа выявлены нестандартные реакции» и тому подобное. Еще мне было интересно, конспектировал ли он мой рассказ, если да, то не проще ли было воспользоваться диктофоном. С другой стороны, если бы я был психологом, для меня было бы главной проблемой в принципе запомнить всех своих пациентов. Ведь их, наверное, не меньше нескольких десятков, и у каждого свой сдвиг. Так что я бы записывал в блокнот сразу под именем пациента, что с ним стряслось и что я ему наобещал, чтобы при следующей встрече не попасть впросак. Чтобы скоротать вре-

мя, я стал высчитывать в уме, сколько может быть пациентов у среднего психолога, с учетом сорокачасовой рабочей недели, длительности одного сеанса час, плюс обед. Получалось, что много и без блокнота никак не запомнить.

– Итак, – прервал мои мысли Станислав Олегович. – Теперь, если позволите, я задам вас несколько вопросов.

– Позволю, – согласился я.

– У вас бывают осознанные сновидения?

– Это когда во сне я понимаю, что сплю, но продолжаю видеть сон и даже управлять им? – уточнил я.

– Именно так, крайне точное определение, – обрадовался собеседник.

– Да, регулярно.

– И как вы к этому относитесь? Вас это пугает, радует, приводит в замешательство, вы делаете все, чтобы продлить это состояние или, напротив, прервать его как можно скорее?

– Это очень интересно, не могу сказать, что я его стараюсь продлить, но только потому, что не знаю, как это делать. В общем, я отношусь к таким сновидениям крайне положительно, – ответил я.

Честно говоря, раньше я думал, что такого рода сны бывают у всех. Теперь же, поскольку из вопроса психолога следовало обратное, у меня появился еще один пункт в перечне признаков собственной уникальности. Кто бы мог подумать, что после тридцати еще могут остаться неизученные факты,

касающиеся особенностей собственной персоны.

– Прекрасно, – озвучил свое заключение Станислав Олевич и сделал какие-то пометки в блокноте.

– Насколько я осведомлен, вы обладаете весьма ярким и оригинальным представлением об окружающей действительности, – продолжил он. – Не могли бы вы мне его хотя бы в общих чертах изложить, причем, если возможно, с момента его появления в вашем сознании.

– Давайте попробую, – согласился я. Внимание специалиста к моей теории льстило мне еще больше, чем внимание к моей личности, поскольку представляло из себя фактически признание моих интеллектуальных достижений.

– Итак, все началось еще в институте, – начал я с самого начала.

Дальше я самозабвенно пустился в изложение своей теории Большой Игры, причем в исторической ретроспективе моей собственной жизни. И то, как я лежал в далекие студенческие годы на раскладушке под впечатлением от сделанного открытия. И то, как я изнывал от вынужденного безделья на первой своей работе, и как это подвигло меня на продолжение исследовательской деятельности. И про все те доказательства, которые попадались мне затем на каждом шагу, формируя во мне уверенность в состоятельности моей теории. Ближе к концу своего рассказа я даже выдвинул теорию об особенностях собственного мозга, позволяющих делать неожиданные выводы из большого количества накопленной

информации.

Говорил я достаточно долго и, на мой взгляд, на удивление хорошо. Я вообще заметил, что окружающая здесь обстановка как-то располагала к обстоятельным рассказам. Мысли получались стройные, красивые и завершённые. Я был просто в восторге от своих ораторских способностей, поэтому не спешил закругляться, с наслаждением обрисовывая каждую деталь эволюции моей удивительной, как мне теперь казалось, теории.

В течение этого рассказа Станислав Олегович выглядел ещё более заинтересованным, чем при изложении моей биографии, а в конце взял гораздо большую паузу на писание в блокноте, в течение которой у меня снова появилась возможность что-нибудь обдумать в тишине.

На этот раз мои мысли стали скользить по поверхности составленного мною только что рассказа в попытке спрогнозировать впечатление, сформировавшееся у психолога. И тут у меня произошло очередное озарение, из тех, происхождением которых я так гордился в своём рассказе. Я понял, что совершенно очевидный вывод, который должен сделать после моего повествования специалист, так это то, что меня следует как можно скорее сдать в дурку. Ведь по сути, если откинуть всякую философскую шелуху, я только что признался в том, что уверен, что живу в Игре! И ведь самое страшное, что это, похоже, действительно так. Просто до этого момента эта уверенность была у меня внутри, бы-

ла моим личным делом, а следовательно, как бы не влияла на мою «нормальность». Но только что я ее сделал публичной, подробно изложив все факты, причем не кому-нибудь, а специалисту по отклонениям. И теперь она уже не может быть кусочком моего внутреннего мира, теперь это захватит меня всего, и я стану официально чокнутым. Зачем я это сделал? Зачем я вообще сюда пришел? Неужели я не мог спрогнозировать заранее последствия? Все эти мысли множество раз прошли в моей голове за те несколько минут, которые мой собеседник потратил на записи в блокнот, и привели меня в полное замешательство. Настолько сильное, что на лбу выступил холодный пот, а все силы стеклись в центр груди и сжались там в испуганный комок. Последний раз нечто подобное я испытывал еще в школе, когда в процессе обычной диспансеризации зубной врач не только обнаружил две дырки у меня в зубах, но и решил их тут же вылечить. Тогда мне удалось избежать болезненной процедуры, пообещав, что у меня есть знакомый дантист и я непременно к нему обращусь. Но что я могу сделать сейчас? Сказать, что пошутил и как можно скорее сбежать отсюда, пока этот врач не вызвал санитаров?

В следующий момент Станислав Олегович поднял взгляд от своих записей и посмотрел на меня очень пристально. Его лицо не выглядело озабоченным, поэтому я немного успокоился. Комок в груди стал медленно таять, отдавая силы обратно в тело. Волна замешательства схлынула, но не до кон-

ца. Ведь сохранялась еще вероятность того, что для опытного специалиста сталкиваться с психами и сдавать их в лечебницу настолько обычное дело, что оно не отражается на лице в виде каких-либо сильных эмоций. Но через секунду Станислав Олегович улыбнулся своей мудрой доброжелательной улыбкой и развеял ей остатки моих опасений. Не то чтобы я был уверен, что психам врачи не улыбаются, скорее наоборот, но его улыбка мне показалась искренне доброй, не предвещающей никакого насилия.

– Как вы относитесь к гипнозу? – спросил меня он, продолжая улыбаться.

– Никак, – ответил я. – Ничего особо про него не знаю, никогда под ним не был.

– Как смотрите на то, чтобы побывать?

– Нормально, если это необходимо.

– Ну, вот и отлично, тогда давайте попробуем.

Станислав Олегович подошел к своему столу, выдвинул верхний ящик и достал из него какой-то предмет.

– Прилягте на кушетку, будьте так добры, – попросил он оттуда. Я подчинился. Кушетка была действительно удобная, я почувствовал, как расслабляются мышцы поясницы, одеревеневшие от сидячего рабочего дня. Ощущения были превосходными. Домой такую надо купить, подумал я. Интересно, где это продается? В обычных магазинах я ничего подобного не видел. Неужели есть какие-то специальные магазины такой мебели? Или это можно купить там же, где всякое ме-

дицинское оборудование: операционные столы, гинекологические кресла. А интересно, где это все вообще продается? Все-таки в этой Игре есть много узкоспециализированных «под-игр», в которые не связанные с ними игроки никогда не заходят.

Тем временем психолог взял стул, поставил его рядом с кушеткой и сел. Он подался вперед и внимательно посмотрел мне в глаза, как будто пытаюсь там что-то рассмотреть.

– Ваша задача сейчас расслабиться, – сказал он почти шепотом. Внимательно смотрите на это. Он поднял руку, и перед моим лицом оказался небольшой металлический предмет на цепочке. После того, как мне удалось сфокусировать взгляд, я узнал в нем миниатюрный игровой джойстик.

Глава 4

Я иду по туннелю. Потом выхожу в большой зал. Подхожу к постаменту с часами. Беру часы и жду, пока они превратятся сначала в змею, затем в черный пластмассовый джойстик. Все это когда-то уже было со мной, а значит, мне знакомо, поэтому я чувствую себя достаточно уверенно. Мне просто интересно, что будет дальше. И вот я стою посреди этого зала, держа джойстик двумя руками. Постамент передо мной уже нет, как, впрочем, нет и самого зала, поскольку я уже нахожусь посреди небольшого помещения. Оглядевшись, я понимаю, что это очень похоже на детскую игровую комнату. Пол, застланный матами, пара деревянных горок, сухой бассейн с пластмассовыми шарами и огромное количество игрушек. Все выглядит пестро, весело и безопасно. Однако картина продолжает меняться, и вот уже на месте игрушек совсем другие предметы. Я вижу автомобили, дома, реки, облака, деревья, звезды и еще миллионы других картин. Все это сливается в одну трудно усваиваемую мешанину образов и вызывает у меня тяжелое давящее чувство в районе солнечного сплетения. Но, несмотря на те радикальные преобразования, которые произошли на моих глазах я почему-то уверен, что по существу никаких изменений не было, что это все та же игровая комната. Я чувствую суть этого места, его механику, невидимые процессы, формирующие его, делаю-

щие его таким, каким оно есть, а честнее было бы сказать, «кажется». Все это мне открыто, и я понимаю, что это дар, с которым нельзя жить, делая вид, что его нет.

Я вспоминаю про джойстик. Опускаю взгляд и вижу, что все еще держу его двумя руками. Я замечаю, что и с ним произошли некоторые изменения. Спереди на корпусе появился горящий красный светодиод. Это значит, что джойстик работает. Сверху, в самом центре, отдельно от остальных органов управления, расположены две небольшие кнопки. Правая из них имеет форму треугольника и надпись start прямо над ней. Рассматривая ее, я понимаю, что пришло время нажать. И я нажимаю. В тот же момент вся эта мешанина образов обрушивается на меня, затягивает в самый свой центр и начинает кружиться, окутывая липкой темной паутиной безысходности.

Бывают такие дни, когда прямо с утра единственное, чего хочется, так это застрелиться. Даже не подозреваю, с чем это связано: с фазами Луны, поворотом магнитного поля Земли, вспышками на Солнце или биоритмами самого организма. Но внезапно в одно ужасное утро ты вдруг понимаешь, что все плохо! Абсолютно, истощающе и окончательно все! До сих пор на глазах у тебя как будто были шторы и жизнь казалась более или менее выносима, но теперь

они спали и все железобетонно ясно. Не то чтобы произошло какое-то глобальное событие. Более того, жизнь твоя со вчерашнего дня не претерпела никаких существенных изменений. Просто открылись глаза на все вокруг. Полная безнадежность, которую не исправить. Последняя развилка, на которой еще можно было свернуть на верную дорогу, осталась далеко позади, а движение здесь, увы, одностороннее. Единственное, что остается, так это ждать, когда все это кончится естественным образом, то есть смертью.

Ну, а пока тебя будет вот это все окружать. Маленькая квартира и понимание того, что купить большую в Москве можно только за такие деньги, которые даже близко не зарабатывает руководитель малого бизнеса. Средненькая машина и осознание того факта, что машина, которая считается «не средненькой», стоит одну третью часть той самой квартиры, которая представляет собой недостижимую высоту. А также низкая привлекательность, плохая фигура, так себе здоровье и недоступность по-настоящему желанных представителей противоположного пола. И главное, ярче, чем плакат на майской демонстрации, понимание того, что все это навсегда!

По неизвестному стечению обстоятельств тот день был именно таким. Я это понял сразу, как только проснулся. Первой моей мыслью было «все плохо». И несмотря на то, что умом я понимал, что утверждение это никакой критики не выдерживает, душой я был полностью с ним согласен.

С огромным трудом преодолевая мнимое ощущение тяжелой болезни, отнимающей все силы и приковывающей к кровати, я встал. Траурной походкой последнего пути потащился в ванную. Ни водные процедуры, ни другие традиционные утренние мероприятия не позволили избавиться от этого настроения, в результате в машину я сел все таким же безнадежно потерянным индивидуумом.

Далее я получил доказательство того, что беды этого дня не лежат лишь в области моего сознания, они реально существуют и могут выражаться в материальных событиях. Машина не завелась. Даже не сделала вид, что пытается завестись. Просто осталась совершенно безучастной к нажатию кнопки зажигания. Даже приборной панелью не мигнула. Минут десять я сидел и жал на кнопку с надписью start. Я не пытался думать в направлении поиска причин неисправности, поскольку понимал, что это в высшей степени бесперспективное занятие. Мои знания об устройстве автомобиля ограничивались чисто утилитарной информацией: рулем надо рулить, фарами светить, музыку слушать, и все это запускается кнопкой start. А еще, для того, чтобы все функционировало, в баке должен быть бензин. И если кнопка запуска двигателя не работает, единственное, что я мог предпринять по этому поводу, так это нажимать ее снова и снова.

Start, start, start... Эта кнопка, точнее ее функциональный образ, погрузившись тем временем в мое сознание, что-то расшевелила там и спустя некоторое время вытолкнула

на поверхность осознанного представления другую кнопку с таким же названием. Кнопку на джойстике из сна. Причем сначала появилась только кнопка, а уже за ней и весь джойстик, который в свою очередь вытянул воспоминания о снах. Я понял, что три ночи подряд, а может, и дольше мне снился один и тот же сон про туннель, зал, песочные часы, змею и джойстик. Сон с продолжением. До сих пор я помнил только последний сон, теперь же их было три. Осознание этого факта будто накрыло меня большим плотным одеялом, через которое не поступало ничего из внешнего обычного мира. Что-то перещелкнуло у меня в голове, и мир изменился.

Оставив попытки вызвать автомобиль к жизни, я бросил его на стоянке и побрел в сторону метро. Дорога до ближайшей станции занимала чуть более десяти минут. Все это время меня сопровождали образы из сна. Продолжая извиляться в моей голове, они как будто меняли меня изнутри. Я отчетливо чувствовал, что становлюсь другим буквально с каждой секундой.

В то время я страшно не любил метро. И если нарисовать график силы моей ненависти к метрополитену, то он бы сто процентно совпадал с кривой пассажиропотока. В принципе, я был не против прокатиться здесь в выходные: полупустые вагоны, свободные ленты эскалаторов, гулкая пустота туннелей переходов. В таком путешествии есть даже некий элемент романтики, как в прогулке по Старому Арбату. Хо-

тя, если честно, я вполне допускаю, что такая картина существует только в моем воображении, поскольку в выходные я на метро тоже никогда не ездил. По крайней мере, в пределах горизонта моей памяти. То есть реальная степень его наполнения в это время на самом деле мне была не известна.

Пользоваться же метро в час пик для меня было настоящей пыткой. Но сегодня это нисколько не волновало. Отстояв очередь в кассу, я купил билет на две поездки, преодолел с помощью него турникет и встал на уходящую вниз ленту эскалатора.

Железные ступени погружали меня в глубину транспортных коммуникаций столицы, а образы из сна никак не уступали своего места обычным повседневным мыслям. Из-за этого мне было трудно не только рационально размышлять, но и полноценно ориентироваться в пространстве. Видимо, по этой причине при спуске с эскалатора я зацепился за что-то ногой. Тело среагировало автоматически, в попытке избежать падения я подался вперед, пытаясь выправить в вертикальное положение верхнюю часть туловища. В результате я лишь изменил вектор движения всего тела в пространстве и вместо того, чтобы упасть на пол, врезался в стену.

Зажмурившись, я приготовился к удару. Но его не последовало. Это было странно. Настолько странно, что я не сразу решился открыть глаза. А когда все-таки открыл, то, что я увидел, заставило меня зажмурить их снова.

Пока я стоял с закрытыми глазами, мысли бились в голове

эпилептическими попытками осознать только что увиденное и связать это с тем местом, где я должен был находиться, исходя из здравого смысла. Более или менее вероятным объяснением могло быть только то, что от удара о стену я потерял сознание и теперь созерцал обморочный бред.

Не удовлетворившись такой интерпретацией, я все-таки решил снова открыть глаза. Картина не изменилась. Она полностью совпадала с той, что я увидел несколько мгновений назад.

Вокруг меня была серая пустота. Несмотря на странность определения, «серая пустота» – это были те два слова, которые максимально точно и даже исчерпывающе описывали то, что я видел. Она не была похожа ни на одну субстанцию, которую я встречал когда-либо раньше. Это был как будто густой серый воздух, который светился сам по себе. Но им было заполнено не все, а лишь большая часть пространства. Здесь было еще кое-что. На вид оно походило на гигантские цепочки ДНК: огромные перекрученные ленты, соединенные через равные промежутки перекладами. Размер этих штук было понять очень сложно, поскольку человеческий глаз способен оценивать величину лишь в сравнении с находящимися рядом предметами, размер которых ему известен из предыдущего опыта. А ничего подходящего под эталон поблизости не было. Более того, кроме серой субстанции и этих лент, буравящих ее во всех направлениях, вокруг вообще ничего не было.

Для описания моего состояния лучшим образом подошло бы заявление, что я просто впал в ступор. То, что я видел, было настолько нереально, что моя психика никак не могла определиться, как на это реагировать. Впрочем, спустя несколько секунд, видимо основываясь на невероятности той картинки, которая поступала через зрительные органы, мой мозг классифицировал окружающее как сновидение или нечто подобное, а значит, не опасное. Мое волнение снизилось почти до пределов заурядного возбуждения. Осознанные сновидения у меня бывали и раньше.

Я висел в серой пустоте среди гигантских цепочек ДНК и вполне спокойно размышлял о таких вещах, как причины, по которым я сюда попал, происхождение этого места, последствия моего здесь пребывания и возможные пути возврата к привычной действительности. Честно говоря, ни на один из этих вопросов мне не удавалось найти даже намека на возможность ответа.

Спустя какое-то время я оставил попытки научно объяснить происходящее и решил перейти к сугубо утилитарным вещам, а именно – определить характеристики этого места, используя доступные органы чувств. Первое, что выделялось на фоне всех фактов, так это система перемещения. Я мог двигать руками и ногами, но это не давало никакого изменения положения в пространстве относительно окружающих меня лент-перемычек. При этом я даже ни на чем не стоял и ни к чему не был подвешен. Ощущения, что я плыву

в невесомости, тоже не было. То есть не то чтобы я когда-то уже испытывал это ощущение и мне теперь было с чем сравнить, просто я был уверен, что когда твое тело невесомо, это как-то отражается на твоих ощущениях. Не знаю, каким образом, но они точно должны отличаться от обычного состояния. Здесь же никакого отличия не было, за исключением того, что на подошвы ботинок не чувствовалось давления поверхности, на которой стоишь. Я мог дышать. Это был бесспорный факт, поскольку прошло достаточно времени, чтобы недостаток кислорода фатально сказался на моем организме. При этом воздух, как и притяжение, был какой-то искусственный. При вдохе он не ощущался: он не охлаждал неба своим потоком и как будто имел нулевую плотность. Температура пространства, кстати, была тоже никакая: ни холодно, ни жарко. Я как будто лежал в ванне с водой, температура которой была равна температуре моего тела с точностью до десятой доли градуса.

Возможно, из-за такой всеобщей нейтральности этого места я так быстро успокоился. Пейзаж тоже не вызывал сильных эмоций. Никаких ярких цветов, размеры не ясны. Его нельзя было назвать ни красивым, ни зловещим, ни скучным, ни грандиозным. Даже его непривычность уже поблекла, оставив после себя лишь всю ту же присущую всему нейтральность.

Я чувствовал, как растворяюсь в этой нейтральности, тону в ней. Я начинал понимать, что все то, что волновало меня

еще вчера, не просто не значительно, но по большому счету не существует. Все это всего лишь микроскопические ниточки в одной из бесчисленных спиралей, которые меня сейчас окружали. И теперь я вижу их с другой стороны, с изнанки. Но это как раз и есть та сторона, которая показывает настоящий вид. Это как задняя стенка телевизора, которая, несмотря на то, что ничего не демонстрирует, тем не менее, более точно выражает собой сущность самого прибора.

Я расслабился, закрыл глаза, и меня окутало ничто. Оно сначала окружило мое тело, затем капля за каплей проникло в него через поры кожи и, наконец впитавшись в каждую его клеточку, стало расползаться, увлекая тело за собой. Я расширился, заполняя все вокруг.

Не знаю, сколько это продолжалось, поскольку с таким понятием, как время, в этом месте тоже было не все ясно, но когда я все-таки открыл глаза, я сразу заметил в окружающей обстановке движение. Причем оно было очень даже значительным, и, судя по всему, двигался именно я. Мое тело приближалось на приличной скорости к одной из спиралей. То, что скорость была приличной, я определил по тому факту, что спираль, которая, судя по траектории, была целью моего движения, быстро увеличивалась в размерах. Поскольку этот размер был единственным моим ориентиром, можно было бы, конечно, легкомысленно предположить, что никакого движения нет – просто спираль по каким-то своим внутренним причинам решила подрасти. Однако нечто внут-

ри подсказывало, что дело все-таки во мне. Меня засасывает эта спираль, а точнее, какая-то точка на ней. Ведь мое место именно там, куда сейчас стремится мое тело, и, оказавшись вне его, я нарушил некий баланс сил, и теперь, побывав в верхней точке амплитуды, маятник возвращается обратно с нарастающей скоростью.

Спираль все приближалась. Сначала ее диаметр стал размером с автобус, затем со стадион, и вот я уже перестал видеть ее полностью – я летел в серую стену. Перед тем как врезаться в нее, я зажмурился, но перед тем как зажмуриться, я успел увидеть, что серая стена на самом деле представляет из себя не четко выраженную поверхность, а нечто неопределенное, состоящее из множества поверхностей, углов, линий и окружностей.

Никакого удара о стену не было. Я открыл глаза и увидел тот самый переход метро у схода с эскалатора.

Глава 5

После того, что произошло со мной в метро, ни в какой офис я, конечно, уже не поехал. И не потому, что был настолько шокирован случившимся, что потерял работоспособность. Просто наиболее емкое описание того, что я чувствовал, звучало очень просто: «все изменилось». Абсолютно все! Как внутри меня, так и снаружи. И в этом новом мире я не мог вспомнить, зачем я должен ехать в офис. И зачем я туда ездил все эти годы. Я помнил объяснение про то, что в офисе работа, за которую мне платят деньги. И что на эти деньги я покупаю все, что мне необходимо. Но это звучало как-то несерьезно, по-детски. Поэтому я вышел из метро на той же станции, что и вошел, и набрал номер своей фирмы. Попросив соединить меня с помощницей, я сообщил, что заболел и в ближайшие пару дней буду отсутствовать.

Мне нужно было время, чтобы вспомнить причины, по которым я туда хожу каждый день. При этом я уже тогда сомневался, что вообще их когда-нибудь снова найду. Мне казалось, что они в принципе навряд ли существуют, хотя сразу в этом признаться себе было слишком. Даже после того, что со мною произошло.

Сейчас я отдаю себе отчет в том, насколько описанная трансформация звучит неправдоподобно. Как может нормальный человек поменять свое мировоззрение за каких-то

несколько минут. В поддержку справедливости своего повествования могу сказать лишь следующее. Во-первых, речь идет совсем не о минутах. Уже тогда я понимал, что все началось гораздо раньше, много лет назад на той самой раскладушке. Все это росло во мне, подпитываясь фактами из внешнего окружения, и теперь просто разорвало ставшую тесной оболочку рационального объяснения. Во-вторых, то, что произошло со мной в метро, никак невозможно было классифицировать как заурядное и даже правдоподобное событие. Соответственно, и реакция должна была бы быть за гранью того, что считается с обывательской точки зрения правдоподобным.

Закончив разговор, я отключил мобильный телефон и положил его в портфель. Мне необходима была тишина в эфире, время для того, чтобы найти точку опоры, и другие люди со своими проблемами из вчерашнего мира мне были ни к чему.

Я стоял посреди улицы, мимо проходили серые люди, чуть дальше ехали серые автомобили под серым небом унылой московской зимы. Мысли замкнулись на уровне внутренних ощущений, не в силах достать до аналитического созерцания окружающей действительности. Я побрел в первом попавшемся направлении. Не имея возможности привести свое внутреннее состояние к повседневной норме собственными усилиями, я решил подождать самопроизвольного его возвращения к этому состоянию. Пользуясь лишь ав-

томатическими рефлексами городского жителя, я мог достаточно безопасно перемещаться в пространстве, однако спланировать свой маршрут сознательно я в себе не чувствовал. Несмотря на то, что я находился в знакомом с детства районе, ощущения были такими, как если бы я блуждал по неизвестному городу в далекой стране. Не в силах понять ни надписей на зданиях, ни речь людей, проходящих мимо, не представляя, какая картина ждет меня за ближайшим углом, я лишь брел по тротуарам, спускался в подземные переходы, переходил дороги по зебрам, то углубляясь во дворы жилых кварталов, то выходя на оживленные проспекты. Это состояние затягивало меня все глубже в пустыню неопределенности, казалось, что сейчас я бы уже не смог даже позвонить на работу, как это сделал какое-то время назад. Я просто не понял бы языка на том конце провода.

Так я провел несколько часов. Через какое-то время мое состояние перестало двигаться по склону вниз и, проболтавшись немного на самом дне какой-то доисторической впадины, постепенно стало выкарабкиваться обратно на свет. В результате в голове немного прояснилось. Не настолько, чтобы сесть за обдумывание того, что со мной произошло, но все-таки элементарная аналитическая деятельность мне уже была доступна. Получив возможность критически мыслить, я оглядел местность, в которой оказался. То, что я увидел, мне было абсолютно незнакомо. С другой стороны, с учетом последних событий, то, что мой мозг не нашел в памя-

ти похожую картинку, не давало мне никакой уверенности, что я здесь никогда не был. И поскольку по большому счету в настоящий момент справедливость географических выводов меня совершенно не волновала, я откинул эти мысли как не функциональные. Рядом с тем местом, где я стоял, находился небольшой торговый центр. Как только я его увидел, я почувствовал, что сильно замерз. Та одежда, в которой я вышел утром из дома, была рассчитана на поездку в автомобиле, ну максимум короткую прогулку до метро, но никак не на многочасовой поход по зимним улицам. Чтобы согреться, я зашел внутрь здания.

Желая скоротать время, необходимое для выполнения цели моего сюда визита, я стал бродить вдоль витрин, разглядывая товары за стеклом. Мой взгляд рассеянно скользил по поверхностям различных предметов: одежда, косметика, электроника, инструменты, игрушки, нижнее белье и еще много всего того, что считается нужным людям в этом мире. Бесконечное разнообразие форм, цветов и предназначений. Просто удивительно, сколько всего оказывается необходимо современному человеку: тысячи страниц перечней и описаний, миллионы кубометров и тонн веществ, гигаватты энергии и годы времени были вложены в эти вещи.

Моя бесцельная прогулка продолжалась до тех пор, пока я не наткнулся на нечто, что, приковав мой взгляд, заставило остановиться. На витрине небольшого магазинчика красовался черный джойстик, точь-в-точь такой, как был в мо-

ем сне. Несмотря на то, что в реальном мире я его видел впервые, сходство с его приснившимся образом, я уверен, было абсолютным. Предмет красовался на витрине в коробке с прозрачной стенкой, вызывая у меня труднообъяснимое желание взять его в руки.

Оторвав с трудом взгляд от витрины, я нашел справа от нее дверь самого магазина и вошел внутрь. Отсюда он казался еще меньше, чем снаружи. Три стены с противоположной от входа стороны занимал прилавок, за которым стояли стеллажи с небольшими прямоугольными коробками. Сверху были установлены полки, на которых располагались коробки побольше. Все прилавки были также снабжены витринами с выставленным товаром. Кроме меня в магазине был только продавец – молодой длинноволосый парень в джинсах и черной фуфайке с капюшоном. На одном из стеллажей напротив парня был установлен телевизор. Судя по позе, которую принял продавец, и отсутствию реакции на мое появление, все его внимание было намертво приклеено к экрану. Брошенный взгляд в сторону телевизора подтвердил очевидное: парень играл в видеоигру. Я стал разглядывать местный товар, реакция продавца на мое присутствие оставалась нулевой. Даже для человека, настолько далекого от тематики данного торгового предприятия, как я, было очевидно, что посвящено оно видеоиграм. Маленькие прямоугольные коробочки на стеллажах были этими самыми играми, самые большие коробки, судя по всему, игровыми приставками,

остальное – аксессуарами.

Все вокруг было обличено в картины яркого времяпровождения. Одни коробки звали принять участие в вооруженных конфликтах, от древнеримских войн до космических баталий будущего, другие приглашали пронзить виртуальное пространство на чем угодно, от мотоцикла до истребителя, третьи предлагали нечто для несведущего человека вроде меня, совсем непонятное. Разглядывая все это, я снова наткнулся на предмет, прочно засевший у меня в голове. Еще один его представитель лежал в окружении себе подобных на витрине прилавка, прямо напротив того места, где стоял продавец. Я приблизился, и тот, наконец, обратил на меня внимание, сделав вид, что заметил меня только сейчас. Подозреваю, что в душе он надеялся, что я покину зону его ответственности раньше, чем оторву его от игры. Теперь же, когда я подошел к нему вплотную, не зная о том, что меня привлекло на самом деле, он списал это на свою персону и тем самым окончательно оставил надежду от меня избавиться.

Парень развернулся ко мне лицом и натянуто улыбнулся. При этом он положил на прилавок то, что все это время держал в руках, и это оказался все тот же черный джойстик – уже третий за этот день, не считая приснившихся.

– Могу чем-то помочь? – осведомился парень. Теперь, когда он оказался ко мне лицом, я заметил на его фуфайке надпись, которая гласила: Call of Duty. Gamers Never Say Die.

We Just Respawn. «Зов Долга. Геймеры никогда не говорят „умирать“. Мы просто...» Дальше мой перевод споткнулся о незнакомое слово. Я поднял глаза от надписи.

– А что значит последнее слово? – спросил я продавца.

– «Перерождаться», от слова spawn, что означает рождаться в больших количествах, – парень, казалось, был доволен возможности блеснуть лингвистической эрудицией.

– А вот это для чего? – сразу перешел я к возбудителю своего интереса, ткнув пальцем в джойстик, лежащий на столе.

– Джойстик? – уточнил парень, сделав вид на всякий случай, что не понял меня.

Получив от меня подтверждение в виде кивка, продавец, подражая моей манере коммуникации, ткнул в одну из больших коробок на верхней полке:

– Вот для этого!

– Это к телевизору подключается? – уточнил я.

Парень поднял бровь, отмечая тем самым удивление моей невежественности, и подтвердил мою догадку характерным мычанием.

– Карты принимаете? – продолжил я свой допрос.

– Принимаем, – уже более тепло отозвался продавец.

– Тогда я беру джойстик и приставку к ней.

– Обычно делается наоборот, но хозяин – барин, – сообщил мне продавец и полез за коробкой.

– Что наоборот? – не понял я.

– Ну, приставку покупают, а уже к ней джойстики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.